

Литрес

Мастера
профайлинга

дело 4
где последняя
маска?

Феномен:

ДОЖИТЬ ДО ВЕСНЫ

Автор:

Влада Ольховская

Мастера профайлинга

Влада Ольховская

Дожить до весны

«Влада Ольховская »

2025

Ольховская В.

Дожить до весны / В. Ольховская — «Влада Ольховская »,
2025 — (Мастера профайлинга)

Дело о взрыве в торговом центре закрыли быстро – у полиции есть неопровержимые доказательства того, что массовое убийство совершил завистливый неудачник, который и сам погиб в тот день. Единственной, кто не принял такую версию, оказалась дочь предполагаемого террориста. Помочь ей может только Николай Форсов – ведь лишь легендарный профайлер способен доказать, что кто-то украл имя, лицо и всю жизнь ее отца, чтобы под его обликом совершить непоправимый поступок. Но если окажется, что скорбящая дочь права, трагедия может стать лишь первым звеном в череде страшных событий, которые унесут еще десятки жизней, пока настоящего преступника не остановят.

© Ольховская В., 2025

© Влада Ольховская , 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Влада Ольховская

Дожить до весны

Сюжет книги частично основан на реальных событиях.

Нет ничего плохого в том, чтобы носить маску – мир непредсказуем.

И нет ничего плохого в том, чтобы обзавестись множеством масок – мир бесконечно сложен и не всегда дружелюбен.

Плохо, если в день, когда снята последняя маска, оказывается, что под ней давно ничего нет.

Глава 1

Тревога набросилась быстро, сразу, и уже не отпускала.

Ирина пыталась убедить себя, что для этой тревоги нет совершенно никаких оснований. Да и вообще, при чем тут тревога? Общение с отцом чаще вызывало у нее раздражение и разочарование, так должно было получиться и в этот раз. Отец-то вел себя как обычно!

С тех пор, как Ирина возобновила общение с ним, они встречались раз в год – в лучшем случае. Созванивались раз в месяц, всегда по ее инициативе. Но в последние полгода он и вовсе перешел на текстовые сообщения с редкими вкраплениями голосовых. Ирина пыталась сделать вид, что ее это не расстраивает – и почти всегда терпела неудачу. Мама и бабушка слишком хорошо ее знали, и если бабушка предпочитала дипломатично молчать, то мама сдержаться не могла:

– Я же говорила тебе, что так будет! Он просто наигрался в родителя... Да он и играть по-настоящему не хотел!

– Ты говорила, – покладисто отвечала Ирина. – А он не хотел.

Она соглашалась – и снова писала отцу, снова звонила ему. Уговаривать его на очередную встречу она начала еще в декабре, но он ворчал, что занят и ему не до того. Отчасти это даже было правдой, Ирина ведь тоже подписалась на его канал, видела ролики, которые он выкладывает в Сеть... Хотя лучше бы не видела, если честно. Занимайся таким кто-то другой, и она отписалась бы от этой помойки... да даже заглядывать туда не стала бы! Но это делал отец, и ей нужно было знать.

Он не врал ей, что занят, все эти видео требовали немало времени. Ирина лишь не могла понять: почему нельзя сделать паузу для общения с родной дочерью? Просто остановиться и все, а продолжить потом, разве кто-то заметит? Однако отец оставался непреклонен, и это здорово испортило ей Новый год.

Она уже почти смирилась с тем, что мама права и видеться они больше не будут, когда на очередное предложение о встрече отец неожиданно ответил согласием. Ирине показалось, что это если и не новогоднее чудо, то хотя бы добрый знак: проведя праздничную ночь в одиночестве, отец что-то осознал, он теперь будет вести себя иначе!

Надежда на это долго не продержалась – до самой встречи в кафе. Ирина ожидала, что отец хоть раз оденется прилично, приведет себя в порядок, поднимется дочери навстречу со счастливой улыбкой, обнимет... Как бы не так!

Он был все таким же всклокоченным, лохматым, давно не бритым, как прежде. Темная борода, щедро пересыпанная сединой, опускалась на грудь широкой лопатой. Глаза, и без того небольшие от природы, притаились где-то под кустистыми бровями, да и смотрели они куда угодно, только не на Ирину. Наряд был лишь немногим лучше, чем у бродяги – на грани того, в чем пускают в более-менее приличные места... Причем скорее «менее», чем «более». Нет, вещи не были откровенно рваными или подобранными на помойке. Просто отец носил их так долго и не стирал так давно, что рядом с ним легко улавливался тот специфический тяжелый запах, который часто окружает переставших следить за собой людей.

Ирина не первый раз наблюдала его таким. На подобных встречах ей хотелось плакать – и что-нибудь изменить, и это можно было считать нормой. А вот что к норме никак не относилось, так это тревога, поселившаяся в груди хищным маленьким зверьком, покусывавшая все то время, пока шла их встреча. Ирина пыталась отстраниться от этого чувства, потому что не понимала, при чем тут вообще тревога. Но успокоиться или хотя бы переключиться на вполне справедливую в такой ситуации злость у нее не получалось.

Нельзя сказать, что отец полностью отстранился, какой-то разговор у них все-таки был, однако если бы Ирине пришлось описывать его, подошло бы лишь одно слово – «натужный».

Говорила в основном она. Отец или кивал, или отвечал односложно. Он не мог скрыть, что ему отчаянно не хочется быть здесь, он уже пожалел, что пришел, он ждет, пока все закончится... Он хотел удрать от нее, как обычно... И все-таки при чем тут тревога, почему рядом с ним так неспокойно?

Ирина решила, что пора зайти с козырей:

– Ванечка очень скучал по тебе... Он просит передать тебе маленький подарок!

Внук был единственным человеком, способным вызвать у отца улыбку. Это обижало Ирину, вызывало неприятные мысли вроде «Неужели я настолько хуже него? Почему его можно любить, а меня никогда нельзя было?». Но она отстранялась от этого – потому что стала достаточно взрослой, чтобы поступать по уму, а не по велению сердца.

Да и потом, нельзя сказать, что любовь отца к Ване только задевала ее. Ирина чувствовала и радость, да еще гордость – это ведь она родила Ваню, он ее сын! И если ее сын способен вызвать теплые чувства даже в таком человеке, как Алексей Прокопов, разве это не достижение?

По крайней мере, раньше был способен. Сейчас отец не спешил ни улыбаться, ни задавать вопросы. Он даже не дождался, пока Ирина найдет в сумке Ванин новогодний рисунок. Отец встал и перевесил старый потрепанный рюкзак себе на плечо.

– Ты уже уходишь? – поразила Ирина. – Ты что?..

– Нет, – буркнул он. – В туалет надо. Сейчас вернусь. Раз долго говорить будем, так хоть время под это получу.

И это была самая длинная из обращенных к Ирине реплик за всю встречу.

В какой-то момент Ирина решила, что отец просто врет ей, чтобы она не мешала, на самом деле он позорно сбегает, но нет, куртку, возле которой никто больше не стал вешать свою одежду, он все-таки оставил, только рюкзак забрал. Кафе, в котором они встретились, располагалось на фудкорте большого торгового центра, собственного туалета там не было, отцу предстояло пройти половину этажа.

Это давало Ирине достаточно времени, чтобы еще раз обдумать ситуацию. От того, что отец потащил с собой зачуханный рюкзак, считая, что у него могут что-то украсть, становилось смешно, но других поводов для веселья не было. Внутри саднило – от обиды, от никому не нужной любви, от несправедливости всего этого. Да и тревога только нарастала... Ирине хотелось уйти, не дожидаясь отца. Оплатить счет, спуститься к машине, никогда больше не встречаться, не звонить, не писать... Пусть живет, как раньше, как ему угодно!

И все же она остановила себя. Психолог говорил ей, что о любом поспешном решении она пожалеет. Тревога наверняка связана не с отцом, а с ней, он-то ведет себя как обычно. Если Ирина сейчас поддастся гордыне и уйдет, он, возможно, перестанет ей отвечать – и она никогда себя за это не простит...

Она думала об этом, за временем не следила, ждала, когда вернется отец, а вот взрыва не ждала, да и никто не ждал.

А взрыв все равно прозвучал.

Громынуло где-то внизу, так, что задрожал под ногами пол, попадала посуда, стоявшая на столиках, закричали люди. Ирина замерла, шокированная, не понимающая, что произошло и почему. Она прислушивалась к окружающим людям, чтобы разобраться, как они объяснят случившееся. Но они тоже ничего не знали, а потом им всем стало не до того: не прошло и минуты после взрыва, как на этажах завывала пожарная сирена.

О том, что это не ложная тревога и не учения, догадаться было несложно. Ирина слышала топот десятков ног, чьи-то крики, она чувствовала запах дыма, расползающийся по этажу. Похоже, полыхало не рядом с фудкортом, а где-то внизу, на первом или втором этаже. Но от этого ведь только хуже! От огня нельзя сбежать, через него придется пройти, чтобы спастись, оказаться на свободе, и нужно было торопиться, пока он не обрел еще большую силу.

А она торопиться не могла – и уйти тоже не могла. Ирина поспешила к выходу из кафе вместе со всеми, но в коридоре остановилась, крикнула:

– Папа! Где ты?!

Она сама не знала, зачем кричала – его не было рядом, он точно не мог ее услышать. Но Ирине хотелось сделать хоть что-то, она привыкла контролировать свою жизнь, она не могла просто поддаться обстоятельствам!

Вот только обстоятельства ее на этот раз не спрашивали. Ирине не дали искать отца, не дали даже выбрать, куда идти дальше. Толпа подхватила ее, понесла вперед, как бурная горная река. В какой-то момент Ирина попыталась сопротивляться, двигаться в другую сторону, но быстро поняла, что ничего у нее не получится. В лучшем случае ее просто обматерят и все равно потащат, куда следует, в худшем она упадет, окажется под ногами, превратится в кровавое месиво, а те, кто ее убьет, даже не заметят этого...

Ей пришлось уйти. Ирина все равно звала отца, просто чтобы подавить чувство безысходности. По крайней мере, звала, пока могла, потом уже не получалось: толпа принесла ее на территорию черного дыма, Ирина закашлялась, задохнулась. Слезы застилали глаза, и она даже не знала, из-за чего плачет – из-за дыма, страха или всего сразу. Ей пришлось все силы бросить на то, чтобы спастись самой. Люди теперь кричали со всех сторон, умоляли, плакали... Они не просто боялись, Ирина инстинктивно распознавала крики боли и отчаяния.

Спасутся сегодня не все... Но она должна оказаться среди выживших! Ее ответственность перед сыном куда больше, чем перед отцом. Ирина обязана сделать все, чтобы вернуть Ване мать, а папа... Ему придется справляться самому.

Она надышалась горячим дымным воздухом, и на пользу это ей точно не пошло. Когда Ирина все-таки добралась до улицы, теперь казавшейся ей другим миром, у нее отчаянно кружилась голова, перед глазами пульсировали черные пятна, кашель не отпускал, драл горло, как дикий зверь... В фильмах всегда показывают, что в такие моменты к выбежавшим из пылающего здания людям бросаются врачи и спасатели, но к Ирине никто не бросился.

Не потому, что никто не приехал – машины экстренных служб уже стояли у торгового центра и продолжали прибывать. Просто у каждого сейчас было свое дело, куда более важное, чем забота о женщине с головокружением. Пожарные пытались сдержать открытое пламя, хлеставшее по стеклам возле главного входа. Полицейские старались ускорить эвакуацию. Медики сосредоточились на тех, кто уже не мог двигаться самостоятельно.

Ирина могла бы добиться их внимания, если бы захотела – но она не хотела. Чуть оправившись на свежем воздухе, она снова металась, не рвалась обратно в полыхающий торговый центр, но бросалась к каждой новой группе эвакуированных, искала знакомое лицо, звала... Она не хотела верить, что отец погиб – из-за нее, по сути, ведь это она привела его сюда! Не может быть, неправда, он спасется... Она билась у ограждения раненой птицей, пока наконец не приехал муж и не увез ее прочь. Правду Ирина узнала только через два дня – и это была страшная правда...

Ее отец не просто погиб в тот день.

Ее отец устроил теракт.

Времени осталось мало, слишком мало... Настолько мало, что спастись не получится, но Гарик все равно пытался.

Тело уже немело, наполнялось тяжестью – однако не сковывающей тяжестью болезни, а тем напряжением, которое просто требует покоя. Если застыть на месте, отказаться от любого движения, будет лучше... Нет, не просто лучше, придет удовольствие, с которым мало что сравнится. Но за него придется заплатить чудовищную цену, и Гарик еще не настолько утра-

тил контроль над собственным сознанием, чтобы этого не понимать. Удовольствие – ловушка, которая порой оказывается смертельной.

Он не знал, сколько еще у него получится помнить об этом. Мир менялся быстрее, чем хотелось бы: строгие линии исчезали, становились плавными, будто танцующими. Рядом постоянно мелькало движение, хотя Гарик точно знал, что он здесь один... был один. Может, что-то изменилось? Наверняка он уже не узнает... Его подводили не только мысли, органы чувств стремительно поддавались дурману. Он делал вдох – и видел неоновый белый цвет. Он чувствовал запахи, от которых голова кружилась все сильнее. И еще нарастало это проклятое чувство, которое он знал когда-то и надеялся забыть навсегда, почти забыл, а оно вот вернулось... Чувство, будто крошечные коготки скребут по черепной коробке, но не снаружи, а изнутри.

Что-то уже в нем. Пока оно атакует медленно, осторожно. Причиняет скорее неудобство, чем боль. Но боль будет, еще какая, это просто вопрос времени! Того самого времени, которого осталось так мало...

Гарик хотел бы выиграть больше – и он пытался, да только ничего не получилось. Желудок он опустошил почти сразу, когда заметил признаки беды, и все равно оказалось слишком поздно. Теперь любая попытка вызвать рвоту отзывалась сухими спазмами внутри, но мир все равно расплывался, свет менялся на звук, звук – на запах, запах – на ощущение прикосновения, на холод и жар... Яд уже внутри, растворился в крови, и отменить случившееся не получится, придется справляться с последствиями... знать бы еще, как. Желание сопротивляться ускользало. Гарик слишком хорошо понимал, как будет легко, если он просто примет происходящее, перестанет дергаться, позволит себе раствориться вот в этом ярком, теплом, защищающем от всего света...

Это может оказаться последней ошибкой в его жизни.

Он знал, что один уже не справится, и знал, что просто так никто ему не поможет. Никто не догадывается, что помощь вообще нужна! Он не предупредил остальных, потому что не думал, что окажется в опасности... Попался, как последний идиот. Он попытался вспомнить, как это началось, когда именно он допустил ошибку, но не смог... Уже не смог. Это было плохо. Мысли путались, становились короче, он будто наблюдал за ними издалека – как пассажиры корабля смотрят на далекий берег, который им даром не нужен, они все равно не собираются туда высаживаться.

Плохо, а становится хуже. Нужно больше времени, хотя бы чуть-чуть.

Гарик вспомнил, как получить больше. Понял, что это плохая мысль, дурацкая, но другую искать не стал – знал, что она может и не появиться. Он кое-как открыл ближайшее окно и не прыгнул даже, а рухнул вниз.

Он помнил, что находится на втором этаже. Он не был уверен, что помнит правильно. Если бы он ошибся, перепутал сегодняшний день со вчерашним, все могло закончиться – и он бы даже, может, не узнал об этом! Вот о чем он не позволил себе думать, просто сделал и все.

Момент полета остановил его сопротивление, и на этот миг стало хорошо. Так хорошо, как он и ожидал, как уже было... Хорошо – и очень плохо. Потому что если замереть в этой паутине, она оплетет и больше не отпустит.

Но потом все-таки пришла спасительная боль, отогнавшая мучительное удовольствие. Он не ошибся насчет второго этажа, только поэтому он еще был жив. Гарик рухнул на что-то мягкое, но не слишком. Мусорные мешки? Скорее всего, да, что еще, что тут может быть... Это не имеет значения. Ему недостаточно больно, чтобы умереть или потерять способность двигаться, такого пока хватит. Мысли даже прояснились, потому что тело ответило на боль, оно будто перестало растворяться в бесконечном неоновом океане, вернуло себе прежнюю форму, вернуло силу. Матвей говорил, что так будет, что резкий выброс адреналина в кровь помогает...

Матвей! Нужно позвонить ему. Он знает, что делать, он всегда знает... И вообще много что знает, и это хорошо, потому что Гарик не сумел бы объяснить, что с ним произошло, а Матвей сам догадается, поймет...

Да, нужно звонить ему. Но непонятно, как.

Телефон Гарик все-таки нашел – и уже это было достижением, аппарат ведь мог разбиться, потеряться при падении. Однако повезло хотя бы в этом! Вот только теперь Гарик держал устройство на ладони, смотрел на него и... не мог позвонить. Он не помнил, как звонить Матвею. Он не сомневался, что знает, что это очень простое действие, которое теперь ускользало вместе с мыслями...

Адреналин уже не помогал, время снова ускорилося. Гарику только и оставалось, что нажимать наугад... Телефон разблокировался автоматически, отсканировал лицо, минус одно действие, уже спасибо. Нужно на что-то нажать, чтобы был звук, был голос, и если очень повезет, если подсознание возьмет верх над угасающим сознанием, это будет голос Матвея...

Голос действительно был. Но не Матвея.

– Гарик, это ты? Ты на часы вообще смотрел? Мне что, снова отключать на ночь телефон?!

Не Матвей, нет... Таиса. Это Таиса. Тоже хорошо – не худший вариант. Может, он намеренно позвонил ей. Может, просто нажал дрожащей, едва подчиняющейся ему рукой на список последних вызовов, и тогда это двойная удача – мог бы и в службу доставки так позвонить! Проверить уже не получилось бы, зрение стало настолько мутным, что он не различал ни буквы, ни цифры.

Он помнил только адрес. Это было сложно. Таиса удивлялась, что-то переспрашивала, и это злило, но от злости становилось чуть легче, снова легче... Не настолько, чтобы ответить Таисе нормально или даже разобрать ее слова. Но достаточно, чтобы держаться за осколки воспоминаний, за тот осколок, на котором адрес, повторять одни и те же слова, молить непонятно кого о том, чтобы у слов был именно тот смысл, который вкладывал в них Гарик, могло оказаться по-всякому.

Таиса то ли поняла его, то ли окончательно разозлилась. В любом случае, ее голос больше не звучал, а вскоре исчез сияющий прямоугольник на руке Гарика – экран смартфона погас. Она завершила вызов. Может, позвонить кому-то еще? Хотя нет, не получится, уже не получится.

Неоновый океан побеждал его. Хотелось то смеяться, то ударить кулаком по стене изо всех сил – зная, что стена разобьется, появится трещина, а за трещиной будет совсем другой мир. Как раньше. Все будет как раньше, хорошо, а если так, зачем сопротивляться и мучить себя?

Но зачем-то все-таки надо. Гарик уже не надеялся дотянуться до своей памяти и понять, зачем именно. Осталось лишь смутное ощущение, что должно быть именно так и никак иначе. Никакого послабления, никакой жалости к себе, потому что за жалостью придет бездна, из которой он больше не выберется... Она и так злится, что отпустила один раз, второго не будет.

Он не остался там, куда упал. Сквозь звуки, которых не было и которые он слышал, прорывался тот, который, скорее всего, действительно существовал. Резкий завывающий звук. У него больше не было названия, оно растворилось вместе с остальными словами, которыми Гарик уже не мог пользоваться. И все-таки упрямая часть его, питаемая болью и гневом часть, каким-то чудом делала выводы. Предупреждала, что резкий звук – часть всего, что происходит, хотя происходить не должно. Не в его интересах. Говорила, что здесь оставаться нельзя, потому что тогда победит... кто-то. Забытый. Ускользнувшее имя, источник гнева, источник боли, но не боли тела, раненого падением со второго этажа, а совсем другой боли, более глубокой и острой...

Гарик ушел и от этого человека, и от паутины. Он шагал уже без цели, остатков самоконтроля хватало лишь на что-то столь примитивное, как движение, на мысли – уже нет, на воспоминания – давно нет. Он не был уверен, идет он прямо, бежит или ползет. Он знал, что скоро упадет, и даже не боялся этого. Все плохое уходило, как бы он ни старался это удержать... Оставалось только хорошее, доброе, светлое... готовое перемолоть его без остатка.

В момент, когда он думал, что все закончилось, появилось новое движение. Вообще-то, движение было рядом с ним постоянно. И в нем было – маленькие зверьки, царапающие череп, вгрызающиеся в ребра. И вокруг него было – кружащиеся тени, разноцветные пятна, гигантские лица, которые никак не могли быть человеческими. Однако новое движение отличалось от них тем, что его Гарик не просто увидел, он его почувствовал – как прикосновение, от которого почему-то стало больнее.

Снова голос. Снова Таиса. Она приехала быстро... или нет? Время он больше не чувствовал. Он попытался вспомнить, сколько прошло времени, а вместо этого не вспомнил даже свое имя. Вот ведь забавно... Всё, на самом-то деле, забавно. Он улыбнулся. Возможно, рассмеялся. Он не брался сказать наверняка.

Движение и голос пытались чего-то от него добиться. Он говорил – но не с ними, а просто так. И все же потом среди слов, произнесенных голосом, мелькнуло одно, отозвавшееся внутри – больница.

В больницу нельзя. Он не представлял уже, что это такое, но знал, что туда нельзя. Тоже смешно... Но, поддаваясь смеху, он сумел упомянуть, что в больницу нельзя. Больница, неоновый океан, резкий звук – все это связано с тем, что случилось, с потерянным именем.

Или... к черту все! Хоть в больницу, хоть куда. Ему надоело сопротивляться, надоело бороться, он просто расслабился и позволил неоновым волнам нести его в никуда.

За близких всегда страшнее, чем за себя. Не то чтобы это стало для Таисы открытием, просто каждый раз столь простая истина была больнее, чем можно ожидать. Ничего странного тут нет, если задуматься. Когда сам оказываешься в беде, можно сопротивляться, бороться, сосредоточиться на действии и не думать о том, что происходит. Когда же пострадал кто-то другой, ты тоже можешь помочь, но лишь до определенного предела. Финальные шаги все равно за ним, а ты порой до последнего не знаешь причину, по которой все произошло... Может, никогда и не узнаешь.

Таиса училась у Форсова не так уж долго, но со страхом за других сталкивалась не единожды. Когда ее преследовал маньяк, она боялась, однако куда меньше, чем когда похитили Гарика или когда Матвей чуть не погиб от рук сумасшедшего убийцы... Она тогда спросила у Форсова, как справляться, как подавить в себе этот страх. Она надеялась, что учитель знает – с его-то опытом!

Но Форсов лишь проворчал:

– Если обнаружу – обязательно тебе расскажу! На красивой открытке напишу. А до тех пор лучшее, что ты можешь сделать, – не поддаваться истерике и оставаться полезной, что бы ни случилось.

Он, конечно, был прав, и Таиса пыталась... Но ей казалось, что у нее всегда будет время подготовиться к возможному кризису. Когда кто-то из других учеников Форсова брал опасное задание, Таиса оставалась настороженной, даже если это дело ее не касалось. Она готова была помочь, если придется.

Но сейчас у нее не было времени на подготовку – и никакого предупреждения тоже не было! Так уж получилось, что ни она, ни Гарик, ни Матвей сегодня не работали. Они закончили предыдущие задания, пусть и не одновременно, а новые пока не получили. Матвей, кажется,

собирался что-то взять, а Гарик заявил, что у него выходной... В выходные ничего не должно происходить, в этом и смысл!

А сложилось вот как. Гарик позвонил ей, заплетающимся голосом продиктовал адрес, потом повторил, и еще раз, и еще... Ну а дальше его слова слились в нечто непонятное и необъяснимое. Ни на один вопрос Таисы он не ответил, он как будто и не услышал их!

Ей нужно было решить, что делать, срочно. Хотелось позвонить Форсову, Матвею, в полицию... Передать ответственность кому-то другому, чтобы и вина была на ком-то другом! И все же Таиса так не могла. Она мгновенно сообразила: Гарик сейчас рядом, она из своей квартиры доберется до него гораздо быстрее, чем Матвей или Форсов, живущие за городом. Ну а полиция... Гарик тоже знал номер полиции – и он почему-то туда не позвонил.

Она отправилась сразу, как только завершился разговор. Еще год назад это было невозможно: своей машины у нее не было, а такси ждать порой так мучительно долго. Но обстоятельства последних месяцев заставили Таису на многое взглянуть по-другому, и автомобилем она все-таки обзавелась. Следовало догадаться, что однажды это станет спасением.

Она понятия не имела, что находится по тому адресу, который назвал ей Гарик, а времени проверять не было. Как оказалось – ночной клуб и ресторан. Ну и как это понимать? Он что, ужрался в хлам и решил использовать ее как трезвого водителя? Таисе очень хотелось поверить в это, потому что при таком раскладе Гарику ничего по-настоящему не угрожало бы. И все же она не могла, она понимала: при всей безалаберности Гарика, он никогда бы так с ней не поступил. В своих розыгрышах он мог заставить ее чуть поволноваться, а вот так напугать – ни за что.

Пока Таиса соображала, как быть, что делать дальше, Гарик появился сам, только вот не из клуба, а из ближайшей к клубу подворотни. И выглядел профайлер паршиво – при самой оптимистичной оценке. Он едва держался на ногах, опирался на стену, чтобы не упасть. Его одежду покрывала грязь, на лице засыхали кровавые полосы. Кажется, ничего серьезного, просто лоб разбит, но... Почему он тогда в таком состоянии?

Ответ Таиса получила, когда направила фонарик в лицо профайлеру. Гарик не отшатнулся от света, зрачки так и остались расширенными, а лицо... странным. Гарик всегда отличался живой, артистичной мимикой – но всегда она была в тему. Теперь же выражения лица менялись слишком быстро, без причины: то растерянность, то смех, то мрачная, болезненная обида – и снова смех.

Он определенно был не в себе, и он точно пострадал: то ли избили, то ли упал с большой высоты.

– Пойдем! – велела Таиса. – Я отвезу тебя в больницу!

Она была уверена, что Гарик ее не поймет, не в таком состоянии, и говорила она даже не с ним, а с самой собой: убеждала себя, что он адекватен, что дело не так уж плохо. А Гарик неожиданно понял ее, запротестовал, даже вырываться начал, слабо и неловко. Хотя с учетом разницы в весе и силе, Таисе и такое сопротивление даром было не нужно.

– Да что с тобой? – разозлилась она, прекрасно зная, что с ним. – Я тебе помочь хочу!

– Не блинца... – еле различимо произнес Гарик. – Нельзя... н-зя...

Он бормотал что-то еще, но Таиса уже не слушала. Она лишь сейчас заметила, что где-то близко звучат сирены... Совсем близко! И, кажется, не «скорой», а полиции. Угрожающе так воют, приближаются... Может ли это быть совпадением? Или кто-то успел заметить состояние Гарика и намеренно вызвал полицию?

Проверять Таиса не хотела, она слишком хорошо понимала, что будет, если ее и Гарика застанут тут в таком состоянии. Если профайлер не хочет попасть в больницу, то за решетку – и подавно! Причину узнать не получится, пока он не протрезвеет, Таисе только и оставалось, что верить ему вслепую.

Она кое-как дотащила его до машины – порадовавшись, что купила все-таки пятидверную, хотя сомнения были. Даже так Таиса не справилась бы, если бы он отключился, у нее просто не хватило бы сил. Но Гарик и в своем нынешнем состоянии как будто понял это, он двигался медленно, резко, словно вырываясь с каждым шагом с невообразимой глубины. И все же он двигался! Этого Таисе пока было достаточно.

Усадить его она не надеялась, Таиса позволила ему завалиться на заднее сидение. Хотелось плакать, но плакать было нельзя. Ничего еще не закончилось, она определенно не ошиблась насчет полиции: сирены завывали совсем близко. Поэтому Таиса стартовала сразу же и огромным, отчаянным усилием воли заставила себя не вдавливать педаль газа в пол. Нет, ей как раз нужно в ту сторону, откуда приедет полиция, нельзя вызывать подозрения... Гарика не видно, он лежит на заднем сидении, она должна справиться!

Она миновала служебные автомобили спокойно, так, будто просто ехала по своим делам. Сначала не собиралась даже смотреть на них, потом сообразила, что это как раз подозрительно, и уставилась на переливающиеся огни с живым любопытством. Один из водителей перехватил ее взгляд, и Таиса смущенно улыбнулась в ответ. Полицейский остался безразличен, судя по всему, у него была причина спешить в клуб, которая его совсем не радовала.

Таиса же выехала из опасного района медленно, спокойно – и только после этого позволила Матвею. Принимать сложные решения одна она больше не хотела.

Она попыталась быстро объяснить ему, что случилось, но из-за этой спешки получилось путано, дурацки как-то... Не так бессмысленно, как у Гарика вначале, однако тоже не лучшим образом. Таиса опасалась, что Матвей ничего не поймет, разозлится, заставит ее повторять, но Матвей остался Матвеем.

Он даже теперь сохранил ледяное спокойствие, будто ничего особенного не происходило.

– Езжай ко мне, – приказал он. – За сколько доберешься?

– Думаю, за час... Может, чуть быстрее.

– Не надо быстрее, не гони. Одна проверка документов – и дела будут плохи у всех.

– Ты его не видишь... Я не знаю... Есть ли у него этот час... – прошептала Таиса.

Не следовало этого говорить. Слова порой опасней, чем кажется – они открывают дорогу для слез. Но Таиса, то и дело косившаяся на своего спутника через зеркало заднего вида, иначе не могла.

Матвей понял даже это:

– У него есть и час, и больше. Он живучий.

– Но он... Я...

– Зеркало разверни.

– Что? – растерялась Таиса.

– Разверни зеркало заднего вида так, чтобы оно отражало только потолок. Включи музыку. Улыбайся. Подпевай.

– Я так не доеду!

– По боковым зеркалам доедешь, это несложно. Делай что говорят!

Он как будто издевался над ней... и он же оказался прав. В развернутом зеркале, музыке и даже натянутой улыбке не было ничего особенного, не было чудесного спасения, в котором Таиса так нуждалась. Однако это были отвлекающие факторы, действия, требующие сосредоточения, именно они не позволяли прижаться к рулю и разрыдаться – а ведь именно этого Таисе хотелось больше всего. Но когда страх накатывал особенно сильной волной, она заставляла себя повторять дурацкие слова дурацких песен, и напряжение чуть ослабляло хватку.

Матвей дожидался ее возле дороги. Таиса предполагала, что он проявит эмоции хотя бы сейчас, что в телефонном разговоре он просто притворялся, стараясь поддержать ее. Но нет, он и теперь был невозмутим, будто ничего особенного не происходило.

А еще он был не единственным, кто ее встречал. Когда Таиса остановила машину и заглушила двигатель, из дома Матвея появились Форсовы. Они как раз невозмутимостью похвастаться не могли: Николай хмурился, Вера нервничала и даже не пыталась это скрыть. Именно она велела Таисе:

– Иди в дом иждидайся там, дорогая, мы со всем разберемся.

– Но как же... Я могу помочь! – запротестовала Таиса.

Матвей не обратил на нее внимания, Форсов отмахнулся, как от путающейся под ногами собачонки. Отвечать снова пришлось Вере:

– Не можешь, Таечка. Ты сделала достаточно, отдохни.

Ей пришлось отступить, даже если от этого становилось страшнее. Таиса видела, как Матвей и Форсов достали Гарику с заднего сидения, как Вера потом закрыла машину. Его понесли в медицинскую комнату – там уже горел свет. После того, как Матвея в этой комнате чуть не убили, Таиса предполагала, что он обустроит там что-то другое, но нет, он как раз сентиментальностью не отличался и прекрасно понимал, что проблема была совсем не в комнате. Теперь вот медицинское оборудование пригдилось, и Таисе оставалось лишь надеяться, что его будет достаточно.

Сама она помогать больше не рвалась. Она медленно, как будто сонно добралась до кухни, но свет включать не стала – почему-то не хотелось. Таиса только теперь поняла, что бросилась к выходу из дома, в чем была – а была она в розовом плюшевом костюме с забавными кроликами, не предназначенном для выхода за пределы квартиры. Но тогда она об это не думала, просто сменила тапки на кроссовки, даже куртку не натянула. Интересно, квартиру хоть заперла? Этого она совершенно не помнила.

Впрочем, сохранность имущества ее сейчас волновала меньше всего. Таиса лишь теперь поняла, что ее трясет. Может, от холода... должно быть, костюм ведь совсем не теплый! И все же трясет слишком сильно, а холод как будто изнутри приходит. Ей вроде как положено согреться, она в доме, здесь тепло, очень тепло... Но почему ей тогда только холоднее становится?

Она знала, что не сможет просто отстраниться от этого, да и вообще ничего толкового не сможет в ближайшее время. Таиса позволила себе сделать то, что оставалось под запретом слишком долго: опустилась прямо на пол и расплакалась. Плакать хотелось громко, в голос, выпуская из себя страх, однако на это она как раз не решилась – боялась отвлечь тех, кто помогал сейчас Гарику. Поэтому она плакала, зажав рот рукой, тихая, как будто потерявшаяся на большой кухне.

Может, поэтому Матвей и не заметил ее, когда пришел. Он сам не включил свет, просто сделал несколько шагов за порог, потом замер, размышляя о чем-то. Таиса хотела позвать его, но не успела: он резко двинулся и изо всех сил ударил рукой по ближайшей стене. Сильно ударил, так, что шкаф, который он задел, содрогнулся, кажется, даже послышался треск ломающихся досок. И это было единственное проявление эмоций, которое Матвей, по-прежнему казавшийся каменным, себе позволил.

Таису это как раз отрезвило, заставило вскочить на ноги и включить свет. Яркое сияние после долгой темноты ослепило ее, а когда зрение прояснилось, Таиса обнаружила, что все даже хуже, чем она предполагала. Шкаф действительно сломан – но это ерунда, починить легко. Куда опасней то, что Матвей попал по острому краю, и кровь теперь и на досках, и на полу, срывается тяжелыми каплями с рассеченного ребра ладони.

Эта кровь и была настоящим Матвеем, пожалуй, ведь его лицо и сейчас оставалось эталоном холодного спокойствия.

Увидев рядом Таису, он не отшатнулся и объясняться не стал, он просто окинул ее долгим взглядом и нахмурился:

– Почему ты не взяла плед? Или даже не пошла в душ.

Хотелось возмутиться, но вместо этого Таиса перевела взгляд на свои руки и обнаружила, что они и правда заметно дрожат. Да вся она дрожит! Холод никуда не исчез, она просто перестала о нем думать, когда появился Матвей. Теперь вот ей пришлось вспомнить – и ничего хорошего в этом не было.

Пока она пыталась унять охватившую ее дрожь, Матвей вышел из комнаты. Таиса предполагала, что он опять направился в медицинский кабинет, на этот раз за повязками для себя, но нет, Матвей вернулся через несколько секунд и бросил Таисе сложенный пушистый плед.

– Поможет, просто не сразу, – предупредил он. – И сделай чай.

– Тебе?

– Себе. Черный, крепкий, с большой порцией сахара.

– Давай я лучше помогу тебе...

– Не нужно.

Она действительно хотела помочь. Пренебрегать советом Матвея она не собиралась, Таиса поспешила закутаться в плед, и стало чуть легче. Но это не мешало ей помочь ему, и его рассеченная рука имела куда большее значение, чем какой-то там чай!

Только вот Матвей в помощи не нуждался... как всегда. Кто-то другой, поранив правую руку, действовал бы неуверенно и неловко, но только не он. Он достал из нижней полки аптечку, подобрал нужные лекарства, промыл рану.левой рукой он действовал вполне ловко, если требовалось – прижимал марлю и лейкопластырь к столу, так что момента трогательной уязвимости, как в американском кино, не случилось. Несколько минут – и его рука выглядела так, будто перебинтовал ее профессиональный врач. Пожалуй, так и было.

Таиса, сообразив, что метаться и дуть на порез не придется, занялась чаем, но воду налила на две порции. Тепло, которое принес плед, успокаивало, ей стало лучше – однако напряжение все равно сохранялось.

– Ты можешь объяснить мне, что произошло? – спросила Таиса. – Я по-прежнему ничего не понимаю...

– Разве? – покосился на нее Матвей. – Так уж и ничего?

– Меньше, чем хотелось бы!

Это было правдой – и не только в отношении Гарика. Таиса не понимала и реакцию Матвея. Она точно знала, что два ученика Форсова могут ворчать друг на друга сколько угодно, на самом деле они друзья... А как можно реагировать, увидев друга в таком состоянии? Страхом, грустью, желанием помочь... Но Матвей как будто злился. Да, он казался равнодушным, но Таиса уже слишком хорошо знала его, чтобы купиться на этот трюк, ну и рассеченная рука говорила больше любых слов.

Чувствовал Матвей многое, тут без вариантов. Но откуда гнев, на кого он злится? Не на Гарика же! Должно быть, на тех, кто сотворил с ним такое, он просто сразу вычислил, кто за всем стоит...

– Ты знаешь, кто накачал его наркотиками? – спросила Таиса.

– Кое-что ты все-таки поняла.

– Только очевидное – что он под кайфом! Но я не знаю... Не представляю, почему, как... Он убегал от кого-то, там была полиция... Короче! Ты знаешь, кто это сделал или нет?

– Знаю.

– Кто?

– Гарик.

Таиса, только-только закончившая наливать чай, едва не уронила чайник от удивления.

– Ты действительно считаешь, что сейчас классное время для шуток?

– А это похоже на шутку?

– На тупую!

– Это не она. Гарик – наркоман. И он был наркоманом задолго до того, как ты здесь появилась.

Это должно было стать громом среди ясного неба, но не стало. Таиса общалась с Гариком достаточно долго, чтобы начать догадываться о чем-то подобном. Он не делал ничего особенного, и все же в его словах, в его взгляде проскальзывало нечто странное, когда профайлеры сталкивались с делами, связанными с наркоманией, или даже когда рядом оказывались потенциально наркотические препараты.

Таиса могла бы узнать больше, если бы позволила себе раздумывать об этом, однако она ничего подобного не хотела. Было и было, зачем ворошить прошлое? Странности, связанные с наркоманией, были едва уловимыми – на фоне других странностей Гарика. Таиса для себя решила, что проблема, даже если она существовала, никогда не была по-настоящему серьезной, и думать тут не о чем.

Ну а потом случилось это.

– Ты действительно считаешь, что он сотворил с собой такое сам? – поразилась Таиса.

– Кто же еще? Бывших наркоманов не бывает – думаю, ты слышала об этом.

Вот теперь она поняла... Не насчет Гарика, конечно, там ситуация оставалась зыбкой и неясной. Насчет Матвея. Он злился – но не на Гарика или, по крайней мере, не только на Гарика. Он на себя злился. Все близкие люди наркоманов к этому склонны. Они понимают, что могут в любой момент потерять того, кто им дорог, и поручают сами себе миссию предотвратить это. А если предотвратить не удастся, им больно... Вот и Матвею сейчас больно, настолько, что он даже не понимает, насколько это опасное состояние.

Получается, Таисе сейчас предстояло помочь им обоим.

– Гарик сам вызвал меня туда, – напомнила она. – Это было непросто, он еле додержался, но он смог! Сделал бы он такое, если бы накололся сам?

– Он не накололся, он что-то сожрал, но это к делу не относится. Да, он бы такое сделал. Он инфантилен: за проступком следует быстрое, ничего по-настоящему не значащее раскаяние, позволяющее ему остаться хорошим для всех.

– Там еще полиция была, которая приехала очень уж быстро!

– Ты не знаешь, почему туда ехала полиция. Возможно, причина как раз не в интересах Гарика – и нейтрализует его предполагаемое благородство.

– Как это? – растерялась Таиса.

– Гарик сорвался, захотел кайфануть, жить ему в очередной раз стало скучно – с ним такое бывает. Но в клубе что-то произошло, возможно, драка или что похуже. Гарик понял, что попадетсЯ, и о его маленькой тайне станет известно всем. Вот он и изобразил вопль о спасении.

– Ты неправ.

Именно эти слова хотела сказать ему Таиса – но не успела, они уже прозвучали со стороны двери. Причем прозвучали куда уверенней, чем смогла бы произнести она.

Таиса предполагала, что Форсовы отправили Матвея отдохнуть, а сами занялись Гариком. Теперь же она допускала, что Матвея просто выставили за дверь, чтобы он не срывал злобу на беспомощном пациенте. Николай Форсов решил присоединиться к ним, он стоял на пороге кухни, а Веры рядом пока не было.

– Как он? – поспешила спросить Таиса.

– Стабилен, – ответил Форсов. – Доза была большая, понадобится серьезный детокс, но дней двух-трех, думаю, хватит, а жизни Гарика и вовсе ничто не угрожает.

– Конечно, не угрожает, – еле заметно усмехнулся Матвей. – За столько лет мог бы научиться подбирать дозу.

– Я не буду доказывать, что ты неправ, – вздохнул Форсов. – С этого момента я просто запрещаю тебе говорить вообще, пока не закончу я. Я понимаю, почему ты реагируешь именно так, даже если ты сам пока не понимаешь. Ты наказываешь его за то, что он сделал с собой –

и это тоже показатель любви. Но сейчас ему нужно не наказание, особенно несправедливое. Сейчас ему нужно понимание... как и всем нам. Мы не знаем, что случилось – вот это сделай главным, запомни, снова и снова повторяй себе. Возможно, ты прав, и он действительно сорвался сам. Возможно, произошло нечто такое, что он просто не сумел объяснить в своем нынешнем состоянии. Мы не будем знать, пока не выясним больше.

Таиса слушала, затаив дыхание, вмешиваться в разговор она даже не собиралась, ей по-прежнему было холодно и страшно. Молчал и Матвей... Пожалуй, Николай Форсов был единственным человеком в мире, чьим приказам он, при всем своем упрямстве, безоговорочно подчинялся.

Лишь когда Форсов закончил и кивнул ему, Матвей спросил:

– Не слишком ли это сложно – вот так подставлять его? Если это подстава, разумеется.

– Таким способом как раз подставить его проще всего. Если тебе нужно подставить человека, что ты используешь против него? То, с чем он был реально связан, или нечто бесконечно далекое от его жизни? С учетом этого, в чем Гарика обвинить проще – в наркомании или поджоге курятника?

– Зачем это делать?

– Тут мы снова возвращаемся к основному тезису: мы не знаем. Ты и сам понял бы это, если бы не спешил с выводами. Я сто раз повторял тебе, насколько это опасно. Особенно в моменты, когда тебе больно.

На этот раз Матвей с ответом не торопился. Он сделал глубокий вдох, медленно выдохнул, и когда он снова заговорил, его спокойствие казалось куда менее наигранным, чем раньше.

– Хорошо, я допускаю, что случилось нечто... непредвиденное. Как один из вариантов. Я поговорю с ним, когда он очнется.

– Нет.

– Нет? – нахмурился Матвей.

– Нет, не поговоришь, – безразлично пояснил Форсов. – Как я уже предупреждал, на восстановление Гарика потребуются несколько дней, и ты можешь стать... препятствием в этом процессе.

– Значит, я должен держаться от него подальше?

– Это станет неизбежно: тебя в городе не будет.

Матвей снова злился, да еще и не пытался это скрыть. Таиса не бралась определить, что именно его задевает: приказы Форсова или то, что узнать правду быстро не получится. Ей просто чертовски не нравилось напряжение, повисшее в воздухе. С таким она раньше не сталкивалась, она хотела бы разрядить обстановку, но пока не знала, как, просто слушала, а мужчины, кажется, и вовсе о ней забыли.

– Если меня не будет в городе, куда же я денусь? – осведомился Матвей.

– Проверь почту – я уже скинул тебе задание. Собственно, я намеревался поручить тебе его в любом случае, просто завтра утром. Но раз сложилось вот так, поручаю сейчас. Ты улептишь уже в восемь утра. И Таиса тоже.

– Меня-то за что? – пискнула Таиса из недр пледа.

Форсов обернулся на нее, будто только сейчас осознав ее присутствие, и невольно улыбнулся. Матвей, кажется, тоже чуть расслабился – хотя уверена она не была. Таиса не рвалась ни в какую внезапную командировку, но от того, что эти двое больше не косились друг на друга кровавыми глазами, стало легче.

– Твое мнение и твое содействие там пригодятся, – пояснил Форсов. – Это действительно очень сложное и очень важное задание. Речь идет о пропавших людях. Думаю, Таисе захочется переодеться и взять с собой кое-какие вещи, отправляйтесь к ней домой. Билет Матвея уже на почте, когда вы закончите сборы, Вера пришлет и билет Таисы. Не опоздайте на рейс.

Таиса готова была поспорить на что угодно: изначально Форсов не собирался отправлять ее на это задание. Матвея – да, и билет был куплен давно. А в ней не было необходимости, она все равно не превзошла бы лучшего ученика... если бы лучший ученик был в норме. Но Матвею сейчас действительно тяжело, и Таиса подозревала, что наставник отправляет ее не расследовать дело, а присматривать за Матвеем.

Или нет? Или им обоим предстоит присматривать друг за другом, потому что тяжело не только Матвею?

В любом случае, отказываться она не собиралась. В том хаосе, которым обернулась эта ночь, спокойные инструкции Форсова представляли спасательным кругом. Таиса видела, что Матвей как раз готов спорить – и не позволила ему. Она поплотнее закуталась в плед, перехватила старшего ученика за здоровую руку и с мрачной решимостью потащила его за собой к выходу.

Больше она ничего для Гарика сделать не могла.

Николай Форсов не сомневался, что выглядел уверенно – с первой секунды до последней. Впрочем, в день, когда он не сможет изобразить абсолютную уверенность, ему и практиковать больше не стоит. Он знал, что Матвей ему поверит – и это успокоит его ученика, а Таису и подавно, потому что она как раз искала веры и не желала спорить.

Ему и самому хотелось бы так обмануться, да не получалось. Он знал о бедах Гарика больше, чем кто бы то ни было... пожалуй, больше, чем сам Гарик. Николай понимал, что добровольный срыв, которого боялся Матвей, оставался вполне вероятным вариантом.

Форсову доводилось встречать разных наркоманов, и он знал, что их на острие иглы приводят очень разные причины. Кого-то – откровенная слабость, кого-то – глупость, кого-то – несчастье, которое невозможно вообразить.

Но Гарик в свое время подсел от большого ума. И в этом, как ни странно, было меньше иронии, чем можно предположить. В его случае сошлось многое – поразительно высокий от природы интеллект, пресыщенность и отсутствие истинной эмоциональной связи с близкими. Талантливому подростку хотелось контролировать не только то, что он думает, но и то, что он чувствует. Он наивно поверил, что это возможно при помощи... сопутствующих средств.

Именно поэтому Николай и заинтересовался им. Что бы там ни думал в нынешнем приступе гнева Матвей, никакой симпатии к наркоманам Форсов не испытывал – скорее, наоборот. Но Гарик был особым случаем. Его можно было поставить на ноги... Вероятно, если бы Николай встретил его на более раннем этапе своего жизненного пути, он бы прошел мимо, предоставив юного пациента специалистам. Но к тому моменту ему уже удалось «починить» Матвея, и ему хотелось проверить, получится ли у него повернуть такое снова.

Получилось. Хорошо – но не идеально. Гарик увлекся, и как только он увлекся, проблема наркотиков отпала сама собой. Профайлинг был для него новым миром, неожиданным вызовом, требовавшим полного сосредоточения. Когда он получил такой вызов, наркотики он бросил – редкий ум может стать и ловушкой, и преимуществом. Но потом прошли годы, успех накапливался... Форсов замечал опасные моменты, хотя и не говорил о них. Гарика то и дело становилось скучно, интеллектуальный вызов еще мог его увлечь, а вот с эмоциями возникали проблемы.

Форсов готов был вмешаться, если бы потребовалось, однако Гарик каждый раз спасался сам. Ну а потом грянула болезнь... Проклятая болезнь, которая ввела куда больше ограничений, чем хотелось бы. Николай вынужден был сосредоточиться на собственном выживании, у него просто не осталось выбора. Поэтому он не мог с уверенностью сказать, когда его ученик сталкивался с последним кризисом, как преодолел... и преодолел ли вообще.

Именно поэтому сценарий, больше всего пугавший Матвея, нельзя было отрицать. И все равно Николай не мог поверить, что настолько грандиозный срыв случился внезапно, без предупреждения... Последние месяцы Форсов чувствовал себя все лучше, он должен был заметить! Похоже, он и сам способен угодить в западню эмоций, о которой предупреждал Матвея, ему следовало быть осторожней.

Именно поэтому ночное дежурство он оставил за Верой. Он не сомневался, что жена, вытянувшая его из тяжелой болезни, справится. Николаю же требовалось время, чтобы успокоиться и подумать. Утром он пришел в медицинский кабинет собранным и готовым к полноценной работе.

Гарик очнулся ближе к полудню. Сначала, конечно, не соображал, что происходит, взгляд оставался мутным, вопросы, обращенные к нему, он то ли не понимал, то ли вообще не слышал. Николай не спешил. Он не знал, что именно ввели Гарику и в какой дозе, – пока он предпочитал верить, что наркотик не был принят добровольно, – но он сразу мог сказать, что это были не «милые студенческие забавы». После такого бессмысленно ожидать, что человек мгновенно придет в себя. Мозг не пострадал – уже спасибо! Поэтому вопросы Николай отложил, он сделал Гарику укол и поставил новую капельницу.

Разговор стал возможным лишь через два часа. К этому моменту Гарик, бледный, осунувшийся, с заметными темными кругами под глазами, подняться с постели еще не мог, но явно разобрался, что к чему. Николай за часы ожидания тоже кое-что понял: у него не получится вести допрос так же, как он сделал бы это в случае с обычным пациентом. Не получится и все, хотя так было бы правильней.

Никакой профессионализм не позволяет пинком отправить собственную душу в дальний угол до лучших времен. Николай начал работать с Гариком, когда тому не было и двадцати. Он знал его – в лучшем и худшем проявлении. Он просто не мог отменить эти годы... да и не хотел.

Поэтому он отказался от правильного, по протоколу, метода ведения беседы еще до того, как эта беседа началась. Он придвинул стул ближе к кровати, уселся так, чтобы их лица во время разговора были на одном уровне. Правда, Гарик подобному подходу не обрадовался, он пялился в окно с таким вниманием, будто именно там сейчас решались судьбы Вселенной.

– Посмотри на меня, – велел Николай.

Гарик подчинился, пусть и неохотно. Форсов никогда не заявлял, что ученики должны выполнять его указания беспрекословно, порой они спорили с ним, порой чуть ли не подальше посылали. Но каждый из них умел чувствовать момент, когда отказывать нельзя. Для Гарики этот момент наступил прямо сейчас.

После недолгой паузы он все-таки перевел взгляд на учителя. Глаза по-прежнему оставались воспаленными, покрасневшими, чуть заметно слезящимися – но это было последствие отравления. Для Николая куда важнее оказалось то, что зрачки нормально реагировали на свет, да и взгляд стал осмысленным.

И все же Гарик, тот самый, которого обычно не заткнуть, теперь молчал, и молчание это разливалось по комнате свинцовой волной. Николай понял, что полноценного разговора с обсуждением деталей не будет. Может, только сегодня. Может, никогда. И он даже готов был это допустить – потому что людям, которых мы любим, мы прощаем куда больше, чем следовало бы.

Но есть и то, что простить нельзя. Для Николая эта черта уместилась в одно-единственное слово:

– Сам?

Гарик еще пару секунд смотрел ему в глаза, потом откинулся на подушки, отвернулся, так и не ответив. И все равно Николай почувствовал, как его накрывает грандиозная, жизненно необходимая после этой ночи лавина облегчения.

Нет. Не сам. Прав был он, Николай, а Матвей ошибся – но ошибся тоже из-за любви, и это можно понять.

Мало кто разобрался бы, что произошло, даже из коллег Форсова. Они как раз решили бы, что молчание Гарика – это доказательство вины, что ответить ему не позволил стыд. Но они не знали ученика Николая Форсова так, как знал сам Форсов, да и не нуждался опытный психолог в их мнении.

Конечно, Гарик порой склонен к определенной инфантильности. Но он всегда знает, когда нужно остановиться. В такой ситуации, как сейчас, он не стал бы изображать из себя напуганного мальчика, ему хватило бы совести признать свою ошибку.

Ну а то, что он не сказал «нет»... Это тоже показатель, причем куда более важный, чем любые слова, долгие и громкие. Если бы Гарика подставил тот, кто ему безразличен или даже враждебен, он бы без сомнений указал на этого человека. Но молчанием обычно пытаются защитить тех, кому не желают зла несмотря ни на что. И от этого сейчас, должно быть, намного больнее... Николай ведь без труда догадался, кого может защищать Гарик, кто мог сотворить с ним такое. И осознание этого для самого Гарика наверняка было тяжелее, чем любое наказание, которое мог бы придумать для него Матвей.

– Ты справишься, – просто сказал Форсов. – Будет трудно, особенно в первое время. Но то, что случилось, тебя не сломает.

Гарик снова посмотрел на него, на этот раз удивленно, а потом медленно, неуверенно улыбнулся – и это было лишь жалкой тенью его обычной улыбки.

– Вы не знаете этого, – тихо сказал он.

– Я не предполагаю, я знаю.

– Не успею я справиться... меня Матвей раньше убьет, нашинкует и скормит галапагосским черепахам.

– Он никогда так не поступит с черепахами, – невозмутимо сказал Форсов. – Он тебя поймет.

– А сейчас он где? Копает мне могилу в мерзлой земле?

– Он и Таиса уехали на несколько дней, я дал им задание. Тебе нужно окрепнуть, им – обдумать то, что случилось. Потом мы все вместе решим, как быть дальше. Я могу оставить тебя с уверенностью, что ты не сделаешь глупость?

– Пока не смогу, – вздохнул Гарик. – Потом – ничего не обещаю.

– Вера заглянет к тебе чуть позже, отдыхай.

Хотелось поговорить с ним прямо сейчас. Объяснить ему, почему он ни в чем не виноват, поддержать – и убедить, что тех, кто за этим стоит, не стоит оставлять безнаказанными. Но Николай прекрасно понимал, что для такого еще рано. Долго бодрствовать Гарик не сможет, да и самому Форсову нельзя было задерживаться – он и так опаздывал на встречу, всего на пять минут, однако с его неприязнью к опозданиям и это было много.

Он даже не мог использовать в качестве аргумента то, что ему эта встреча даром не нужна. Если уж согласился – будь любезен держать слово! Хотя встреча, конечно, бестолковая. Николай понятия не имел, чего от него хочет эта Ирина Суржина, она лишь просила передать, что ей очень нужна помощь профайлера. Для Форсова это ничего не значило, и все же для Ирины пришлось сделать небольшое исключение. Не из-за нее самой – за тридцатичетырехлетней визажисткой особых заслуг не водилось. Зато Ирина сумела удачно выскочить замуж, и ее свекор оказался знаком с некоторыми друзьями Форсова.

Впрочем, даже с их заступничеством Николай был готов лишь встретиться с Ириной. Он никому не обещал, что обязательно ей поможет. Он даже предполагал, что откажет: все эти скучающие домохозяйки, которые не могли описать свою проблему в письме, обычно не стоили его времени.

Когда он вернулся в свой дом, Вера предупредила его, что гостя уже приехала и теперь дожидается в его кабинете. Николай поднялся туда, ожидая увидеть типичную светскую львицу – не факт, что красивую от природы, но обязательно ухоженную и дорого одетую, стереотипы не на пустом месте появляются.

Может, в иное время Ирина и была такой, но не теперь. Она прибыла на встречу в обычных джинсах и свитере, да еще постоянно оттягивала вниз рукава, чтобы спрятать кисти рук – привычка, выдававшая нервозность. Волосы Ирина уложила кое-как, не накрасилась, она явно много плакала и мало спала, из-за этого она теперь выглядела измученной, почти больной. Дожидаясь Николая, она еще держалась, но, когда он вошел, все-таки дала волю слезам.

Все это не означало, что он сумеет или захочет ей помочь. Но Форсов уже мог сказать: она не из тех, кто придумывает проблемы от скуки, она действительно верит, что у нее горе.

– Что случилось? – поинтересовался Николай, спокойно, однако без обманчивого дружелюбия.

Ирина сильнее сжала рукава свитера и все-таки заставила себя посмотреть собеседнику в глаза.

– Случилось то, что весь мир считает моего папу террористом. И вы единственный, кто может его оправдать!

Глава 2

Спать совсем не хотелось, даже при том, что проснулась Таиса больше суток назад. Хотя стоит ли удивляться? События этой ночи спокойному отдыху точно не способствовали. Она подозревала, что организм еще поквитается с ней за это, но пока сосредоточилась на задании.

Действовать пришлось быстро: ей ведь предстояло собрать вещи и переодеться, плюшевый костюм и так видел слишком многое. Матвей, как оказалось, и вовсе хранил подготовленную для путешествий сумку, его даже внезапная командировка из колеи не выбила – и не отвлекла от возмущения. Но, к его чести, Таису он не торопил и о времени не напоминал. Она допускала, что он вообще не помнил о ней, погруженный в свои мысли.

Да и ей было о чем подумать. После осенней встречи с Ксаной ей, пожалуй, следовало подготовиться к тому, что прошлое может свалиться на них в любой момент, без предупреждения, без особой причины. И все равно она готова не была... Упущение? Определенно. Знать бы еще, как это исправить.

Таисе казалось, что любые сложности будут связаны с прошлым Матвея. Она не знала, что там таится, но кто угодно уже догадался бы, что нечто очень нехорошее, то, что вообще ни с кем случаться не должно. Ну а Гарик... Гарик непробиваемый. Если он все время шутит, ухмыляется и мало что воспринимает всерьез, разве это не доказывает, что уж у него-то за спиной никаких зловещих теней нет?

Теперь, осмысляя все еще раз, Таиса была вынуждена признать, что логика так себе. Желая представить Гарика неуязвимым, она просто закрывала глаза на некоторые факты. Например, на то, что Николай Форсов, никогда не рвавшийся к роли учителя, вряд ли стал бы опекать обычного задорного парнишку с неумным чувством юмора. Таиса никогда не спрашивала, почему он выбрал Гарика... Она много о чем не спрашивала.

Она даже не задала те самые важные вопросы о Ксане. Вот это как раз было иронично, смешно даже. Изначально Таиса требовала ответов, чуть ли не скандалила из-за них, однако это под влиянием шока. Тогда Форсов уговорил ее успокоиться и пообещал, что ответы она получит позже. И что в итоге? «Позже» наступило: они справились, Ксана удрала в какой-то темный сырой угол, из которого вякнула один раз, получила по соплям и больше не высывалась. Никто не запрещал Таисе вернуться к сложным вопросам...

А она все равно этого не сделала. Она прекрасно понимала, что простым такой разговор не будет, и все ждала идеального момента, зная, что таких моментов не бывает. Ей было куда легче найти оправдания для своего молчания, чем перейти к сути. Ведь сразу после осеннего расследования Матвей угодил в больницу, и его вроде как нельзя было беспокоить. Он серьезно не пострадал и быстро выписался, но Таиса убедила себя, что ему требуется хоть какой-то период реабилитации, и по-прежнему помалкивала. Потом была подготовка к Новому году, время после праздников, новые расследования, дела... Повод избежать сложного разговора всегда найдется, если очень хочется.

Она боялась знать правду, вот и весь секрет. Убеждала себя, что это не так уж важно, она ведь не чувствовала никакого страха рядом с Матвеем. Почему бы не оставить все так, как есть? Вот она и оставляла... А теперь не могла. Таиса не была готова к тому, что произошло с Гариком, она сумела помочь ему лишь чудом. Чтобы в следующий раз оказаться чуть более полезной, ей следовало знать больше – обо всех, кто ее окружает.

Да и условия сложились подходящие, если уж говорить о том самом пресловутом идеальном моменте. Вера купила им билеты в бизнес-класс – при коротком перелете в этом не было особой необходимости, но, видно, в последний момент других мест, расположенных рядом, не осталось. В итоге кресла в ряду было всего два, места сзади не выкупили, впереди и вовсе располагалась стенка. Здесь можно было говорить о чем угодно, не опасаясь быть подслушан-

ными. Да и высота намекала, что удрать от разговора Матвей не сможет... Хотя кто его знает? Может, сейчас достанет из кармана парашют, скажет, что истинный профайлер должен быть готов ко всему, и сиганет в иллюминатор...

Пока Таиса размышляла об этом, Матвей читал материалы, присланные ему Форсовым, и, казалось, вообще забыл о недавних событиях. Таиса прекрасно знала, что ничего он на самом деле не забыл, просто переключаться он умел лучше, чем она. Ну, ничего, сейчас и на другую тему так же легко переключится...

– Мы можем поговорить? – тихо спросила она.

Матвей бросил на нее быстрый взгляд, тяжело вздохнул и закрыл ноутбук.

– Трагичность твоего тона намекает на то, что этот разговор мне не понравится.

– Ну, разговоры со мной вряд ли входят в топ твоих любимых занятий, так что ты мало что потерял, – рассудила Таиса. – Это... о Ксане.

Было бы замечательно, если бы он начал рассказывать сам. Заявил, что давно уже ждал часа исповеди, и выплеснул тут душу, все равно в самолете не так много развлечений. Однако Матвей ничего выплескивать не собирался, равно как и упрощать собеседнице задачу. Он смотрел на Таису, не моргая, и под этим взглядом хотелось отшутиться, закрыть тему, поверить, что неведение – оно порой к лучшему.

И все-таки нет. Есть тот минимум знаний, который спасает от очень опасных домыслов.

– Она сказала, что ты ее...

Таиса запнулась, а вот Матвей произнес нужное слово с завидным равнодушием:

– Изнасиловал.

– Да... А когда я завела об этом речь, ты все подтвердил, но дальше мы обсуждать не стали, не до того было...

– И в чем вопрос?

– Скорее, просьба. Ты можешь рассказать мне, как это произошло? Меня, естественно, интересует не процесс, а обстоятельства.

Вот, она все-таки сказала... Таиса надеялась, что, когда разговор начнется, станет легче, но, конечно же, не стало.

Матвей не спешил с ответом, но хотя бы прекратил давить на нее одним из своих фирменных взглядов – этот Таиса про себя называла «ледяная глыба». Он отвернулся к окну, за которым сейчас висела сероватая дымка, создававшая ощущение, что они и не в небе вовсе, они просто потерялись в очень густом тумане.

Но Матвей обещал ей ответить – и он ответил.

– «Обстоятельства» – очень правильное слово здесь. Иногда обстоятельства заставляют нас делать то, что нам не нужно и не близко. Вся история с Ксаной строится в первую очередь на обстоятельствах. Они для нас обоих оказались уникальными, но уникальность – это не всегда хорошо. Ситуация сложилась так, что выбор пришлось делать между плохим и худшим. Я выбрал плохое.

– А что было вторым вариантом?

– Нам объявили, что смерть. Для нас обоих.

Чего-то подобного Таиса и ожидала... Она не представляла Матвея в роли безумного маньяка, который напал бы на женщину – или на девочку, если сделать поправку на время. Вопрос в том, кто мог заставить совершить такое. Точный год случившегося Таиса не знала, однако могла определить, что это был не разгар «шалых девяностых», в которые, согласно слухам, творилось все без исключения.

Нет, это было позже, да и вряд ли речь шла о том, что двух подростков просто заставили заниматься таким потехи ради. И Матвей, и Ксана теперь если не гении, то очень необычные люди. И одно наверняка связано с другим, только непонятно, как.

Матвей снова замолчал, и Таисе пришлось подбирать новый вопрос, хотя сам процесс сейчас напоминал прогулку по минному полю – вприпрыжку и с завязанными глазами.

– Ты... ты верил, что с вами действительно это сделают, если ты откажешься?

– Нет.

А вот это было неожиданно. Настолько, что Таиса едва не воскликнула: «Так ты что, на самом деле хотел этого?!», однако она вовремя прикусила язык. Такие вспышки эмоциональной несдержанности простительны школьнице, а не профайлеру. Если Форсов вдруг узнает, что она ляпнула нечто подобное, он побежит покупать кирзовый сапог только для того, чтобы эпичней дать ногой под зад нерадивой ученице.

Меньше эмоций, больше психоанализа. Форсов повторял, что при разговоре человек общается не только словами. Матвей не скрывает, что не хотел участвовать в тех событиях – и сожалеет о них. Так в какую же сторону двинуться?

– Во что ты верил в тот момент? – спросила Таиса так спокойно, что удивила сама себя.

– Я верил, что, если я откажусь, убьют только ее. Меня бы оставили в живых в любом случае. Те самые... обстоятельства сложились так, что изнасилование как таковое не было главным развлечением. Это, увы, была доступная тем людям забава. А когда нечто становится доступным, неизбежно приходит пресыщенность.

– Даже чем-то настолько чудовищным?

– Чудовищным – и примитивным. Да, и таким тоже. На тот момент сексуальное насилие всех форм и проявлений перестало быть экзотикой... там. Интересны стали только люди, чем необычнее, тем лучше. Тем дольше эти люди могли прожить. Я был необычен, Ксана – тоже, но у Ксаны оставался недостаток, который она не могла преодолеть: она была женщиной.

Таиса чуть было не поправила «девочкой», но снова успела сдержаться. Больше спокойствия, меньше эмоций, меньше, меньше... Единственная возможная мантра для такого разговора.

– У тех, кто это устроил, было предвзятое отношение к женщинам, – продолжил Матвей. – Ксана и без того продержалась намного дольше других, потому что она всегда была очень умна. Объективно, она лишь немногим уступала мне, но предвзятость опускала ее на уровень ниже в глазах тех людей. Я видел, что они начали терять к ней интерес, она перестала быть ценностью.

– Но как то, что они заставили тебя сделать, могло вернуть ей ценность?

– Они хотели увидеть, как все пройдет, какотреагирует она, как буду вести себя я. Если бы я отказался... Может, ее бы не убили сразу. Но ей все равно пришлось бы пройти через нечто такое... Худшее, чем то, что мог сделать я. А потом все равно умереть. Вот в это я верил, но ей сказал, что боролся за наши жизни, потому что так мы оказывались на одинаковом уровне уязвимости.

– Вы с ней были друзьями до того, как все случилось?

– Нет, – покачал головой Матвей. – Думаю, справедливо сказать, что мы всегда были врагами – хотя я не люблю пафос, связанный с этим словом, в данном случае он уместен. Но при моей неприязни к ней я никогда, ни в какой момент не желал поступить с ней так.

– Ксана умна... Она должна была понять это!

– Она все понимает. Это не обязывает ее меня прощать.

– Как ты вообще смог это сделать, если не хотел?

Вот теперь она все-таки ляпнула глупость. Таиса поняла это через секунду после того, как слова прозвучали, но было уже поздно. Эмоции на миг взяли верх: слишком уж их много накопилось, слишком сильными они стали...

Но Матвей не дрогнул и теперь. Все это время он говорил подчеркнуто отстраненно, да и слова подбирал так, будто заполнял отчет.

– При естественных условиях – не смог бы. Но есть целый ряд методов, от физических до химических, которые делают такую ситуацию возможной.

И снова Таиса поняла больше, чем прозвучало. Нет, это была не какая-нибудь частная порностудия, где издевались над малолетками. Это было место, где создали определенные условия, где были средства для таких «методов»... Место, где Матвей получил шрамы, которые Таиса видела раньше. Где с ним сделали то, после чего только Форсов смог его спасти.

– Если ты считаешь, что я хочу обелить себя и перенести вину на Ксану, то напрасно, – вдруг добавил Матвей. – Я не пытаюсь сказать, что я ее спасал, а она неблагодарная. У нее есть право требовать ответа за то, что я сделал с ней.

– А кто ответит за то, что сделали с тобой? – не выдержала Таиса.

– Люди, которые это организовали, давно уже не на свободе. Некоторых нет в живых.

– Ну и что? Это поставило точку в истории? Вред, который они нанесли, до сих пор остался! Даже если отстраниться от всего, что происходило в этом месте, если взять только ту конкретную историю... И ты, и Ксана вините в этом тебя. И ладно она не видит, она явная психопатка... Но ты-то как просмотрел?

– Что именно?

– Все, что сделали с ней, сделали и с тобой, – уверенно произнесла Таиса.

– Ты подгоняешь факты.

– Я единственная, кто смотрит на них объективно. Иногда, знаешь, очень трудно дожить до весны...

– Даже не начинай.

Она не пыталась утешить Матвея, это действительно было правдой – по крайней мере, для Таисы, ведь правда неизбежно субъективна. При всех своих талантах Матвей все равно остается человеком, и чувство вины давит на него. Ему кажется, что пострадала только Ксана – как принимающая сторона насилия. А то, что и его заставили действовать против своей воли, и явно наблюдали за этим, а потом вину, насмеялись... Это тоже имеет значение.

Но он думает не об этом, он наверняка помнит, как Ксана кричала и плакала, что говорила ему потом... Он не сможет оценить историю иначе, не сумеет просто. Ксана это как раз поняла, она уже один раз использовала это против него – и использует снова. Возможно, даже преуспеет, потому что Матвей сам оставил за ней право на месть.

Нужно было узнать больше – и тут можно было узнать больше, Таиса увидела лишь верхушку айсберга. Однако она чувствовала, что погружаться в темные ледяные воды прошлого, чтобы разглядеть айсберг, она пока не готова. Ей уже от того, что она выяснила, становилось не по себе! Сердце билось отчаянно, быстро, и снова стало холодно – стресс прошедшей ночи рад был вернуться.

Казалось бы: как можно поддаваться такому? Это всего лишь слова, всего лишь рассказ. Всего лишь прошлое, которое к самой Таисе не имело никакого отношения. Именно к такому восприятию реальности приучал интернет: там самое сокровенное сливалось с придуманными историями, разница между персонажами и живыми людьми стиралась. А жалости на всех не напасешься, и равнодушие становилось естественной защитной реакцией. Если каждый раз душу рвать над чужой бедой, сколько той души останется?

Таиса умела отстраняться от чужих трагедий точно так же, как все остальные. Но это если речь шла об историях без лица и имени, а здесь человек, который прошел через тот кошмар, сидел рядом с ней. Живой человек, помнящий, чувствующий... И его она заставляла доставать из могилы памяти то, чему полагалось быть похороненным. Уже то, что прозвучало, было болезненным, она не сомневалась, что дальше станет хуже.

И если этого не хочет ни один из них, зачем давить? Таиса понимала, что это навредит Матвею... и, возможно, ей самой. По ней уже ударило то, что она узнала о Гарики. Она сейчас не хотела пробираться в еще одну несчастливую жизнь.

Но и о том, что она все-таки завела этот разговор, она не жалела. Обсуждая то, что случилось, она не переставала прислушиваться к собственным чувствам. Ей важно было знать, изменится ли ее отношение к Матвею, сможет ли она доверять ему так, как раньше...

Не изменилось, и дело тут было даже не в психоанализе. На уровне самых простых инстинктов, тех самых, которые созданы природой для сохранения жизни, Таиса чувствовала: Матвей никогда ее не обидит, и причин бояться его у нее нет.

Она сомневалась, что сам он поймет это прямо сейчас, да и долго объяснять была не готова: усталость все же брала свое. Поэтому Таиса ограничилась тем, что обхватила обеими руками его руку, поплотнее прижалась к его плечу, устроилась так, чтобы удобней было дремать, чувствуя рядом с собой живое тепло.

Матвей, который такого явно не ожидал, ошутимо напрягся:

– Что за скачок настроения?

– Смена неприятных тем на приятный отдых, – пояснила Таиса. – Я больше ничего знать не хочу. Не сейчас так точно, и не факт, что вообще. Хотя могу и тебе кое-что сказать.

– Говори, раз проанонсировала.

– Я не надеюсь убедить тебя, что ты не виноват перед Ксаной. Вроде как она сравнила счет, когда попыталась скормить тебя маньяку, но вряд ли ты в это поверишь. Ты все равно будешь жалеть ее и поддаваться ей, если вы снова столкнетесь. Но знаешь, что? Я не буду. Я и раньше не собиралась, а теперь тем более. Я уже говорила Ксане: если она снова к нам сунется, от тебя она получит сострадание, а от меня – в пятак. Вот пусть и решает, готова ли она рискнуть!

На это Матвей ничего не ответил, но Таиса почувствовала, как он расслабляется. Этого пока было достаточно.

Естественно, Николай Форсов знал о том случае. Все знали. Просто профайлер не придавал этому значения: в январе жена заставила его снова лечь в больницу на плановое обследование. Николай считал это ненужной предосторожностью: не было ни единого симптома, указывающего на проблемы, а если так, зачем тратить драгоценное время на нечто столь непродуктивное? Однако Вера, мягкая в иное время, умела быть настойчивой, когда речь заходила о здоровье мужа, и Форсову пришлось подчиниться.

И все равно он не был отрезан от мира, он прекрасно знал, что в начале января в крупном торгово-развлекательном центре прогремел взрыв. В тот день там было даже болеелюдно, чем обычно: в холле то и дело проводились мероприятия, и на этот раз организаторы решили устроить выставку современной литературы и встречу с писателями. Не в масштабах крупных книжных выставок, разумеется, но получилось достаточно необычно и интересно, чтобы привлечь внимание.

Когда гости собрались и встречи проходили сразу на нескольких площадках, полыхнул взрыв. Бомба оказалась небольшой, однако в замкнутом пространстве, да еще при значительном скоплении посетителей, хватило и ее. Девять человек погибли, более пятидесяти оказались в больнице.

Тогда, в начавшейся суматохе, никто не мог сказать, что именно произошло. Возможно, взрыв оборудования? Несчастный случай в какой-нибудь кофейне? Все ведь шло нормально, как обычно, не было причин ожидать беду... Но беда любит приходить неожиданно.

Долго разбираться не пришлось: трагедия оказалась бытовым терактом. Виновника вычислили без особого труда: бомбу взорвал пятидесятишестилетний Алексей Прокопов, литератор, в прошлом редактор, ныне – ридер, работающий с несколькими издательствами. И, если говорить откровенно и не цепляться за научные термины, завистливый неудачник.

Атака Прокопова не была совсем уж неожиданной для него. Он давно вел свой канал на известной видеоплатформе, где регулярно выкладывал ролики с критикой современной литературы. Прокопову не нравилось решительно все: писатели, которые создавали полную ерунду, издатели, публиковавшие литературные отбросы, продавшиеся организаторы премий... Словом, доброе и светлое миру нес исключительно Алексей Прокопов и его немногочисленные подписчики.

Только вот само создание таких роликов не могло считаться тревожным звоночком. Прокопов никогда никому не угрожал, он даже не намекал, что планирует совершить нечто подобное. Он просто взял и сделал. В тот день он пришел в торговый центр со взрывным устройством, уместившимся в потрепанном рюкзаке. Бомбу он собрал дома, мощность получилась скромной – но, опять же, в тех обстоятельствах этого хватило.

Сам Прокопов погиб во время взрыва, и дело закрыли, новых нападений ожидать не приходилось, все оказалось на виду.

Вернувшись из больницы, Николай изучил основные материалы о трагедии, появившиеся в общем доступе, просмотрел канал Прокопова, уточнил у коллег, было ли в истории нечто подозрительное, не поддающееся объяснению. Ему сказали, что не было, да и Николай не нашел поводов для настороженности. Он сразу заметил, что ролики Прокопова с каждым месяцем становились все более агрессивными, чувствовалось, что будущий террорист тонул в собственной желчи. Чаще всего при таком раскладе спиваются. Прокопов решил уйти, хлопнув дверью. Отменить это уже не получилось бы, расследовать оказалось нечего, и мир двинулся дальше.

Форсов не планировал возвращаться к тому кровавому случаю – пока в его кабинете не оказалась дочь предполагаемого террориста.

– Это совершил не мой отец, – настаивала Ирина.

– Я понимаю ваше нежелание верить, оно вполне объяснимо. Но есть доказательства, и они убедительны.

– Я встречалась с ним в тот день! В том торговом центре...

– Я знаю, – кивнул Форсов. – Точнее, я не знал, что он встречался именно с вами. Но в общедоступном отчете сказано, что Прокопов встречался с кем-то. Его путь четко отследили – он прямо с этой встречи отправился в холл.

Он ожидал, что Ирина снова начнет упрямиться, скорее всего, опять заплачет... Однако она сумела его удивить. Она кивнула:

– Я знаю, что взрыв устроил тот, кто сидел со мной в кафе. Только вот это был не мой отец. Я понимаю, что это звучит как бред скорбящей дочери, но, пожалуйста, выслушайте меня. Я пришла к вам не сразу же, нельзя сказать, что я все еще переживаю горе... Я очень много думала о том, что случилось, я знаю, о чем говорю!

Николай и правда готов был выслушать – даже при том, что Ирина уже допустила несколько ошибок. Горе она по-прежнему проживала, и она точно не знала, что там случилось. Но она, похоже, действительно проанализировала ситуацию, ее появление здесь не было истерикой с аргументами уровня «он не делал этого, потому что не мог». К тому же, при том, что у полиции не было оснований искать другую версию случившегося, Форсов допускал, что она действительно есть. Потому что в видеороликах, записанных Прокоповым перед смертью, была зависть, была желчная ненависть, но не было безумия, необходимого для самоубийства.

Ирина никогда не была особенно близка с отцом – потому что он этого не хотел, как не хотел когда-то появления на свет дочери. Поначалу карьера Алексея Прокопова складывалась вполне неплохо: он еще школьником получил первые публикации своих стихов в литературных журналах и даже первые гонорары, причем внушительные с точки зрения его семьи. Юный Алексей быстро и охотно поверил, что его ждет блестящее будущее, его портрет однажды ока-

жется в школьных кабинетах русского языка и литературы – где-то между Толстым и Пушкиным. Ну, может, чуть левее.

Так что всю последующую жизнь Алексей строил с позиции великого поэта, просто пока не признанного. Он поступил в институт и уже там познакомился с матерью Ирины. Она не была для него ни музой, ни большой любовью: привлекательный от природы молодой человек легко заводил романы и так же легко их заканчивал. Ему казалось, что поэту вообще доступны лишь два варианта: либо та-самая-единственная на всю жизнь, либо гарем прекрасных вдохновительниц, которым самим положено понимать, что для литератора нет ничего дороже творчества.

Может, мать Ирины это и понимала. Но она как раз влюбилась по-настоящему, она намеренно забеременела, чтобы удержать Алексея возле себя. Метод, который, как показывал опыт Форсова, работал... примерно никогда. После долгих уговоров Алексей все-таки согласился взглянуть на малышку, презрительно фыркнул и не интересовался ею последующие двадцать лет. Зачем ему какой-то орущий младенец, если у него по плану величие?

После института Прокопов стал сотрудником, а потом и редактором литературного журнала. Как и следовало ожидать, приоритет он отдавал собственным сочинениям, все остальные шли на заполнение оставшихся страниц. Правда, ни в одном другом журнале творениями Алексея не интересовались, однако он даже не сомневался, что это чистая зависть. Он ведь уже пару премий получил – и без сомнений закрыл глаза на то, что организаторы этих премий были так или иначе связаны с его журналом.

В это время его дочь воспитывалась в полноценной семье. Мать Иры, быстро разочаровавшаяся в возлюбленном, вышла замуж за человека, далекого от творческих высот, зато надежного и верного. Благодаря этому девочка росла в достатке, получила великолепное образование и долгое время была защищена от проблем внешнего мира.

А вот у ее биологического отца дела покатились непонятно куда. Литературный журнал предсказуемо не пережил смену эпох, сотрудники оказались на улице. Кто-то предпочел другую сферу деятельности, кто-то и вовсе спился. Но Алексей отказывался верить, что величие ему лишь привиделось, он цеплялся за литературу.

Он начал работать редактором в одном из крупных частных издательств. Взяли его туда охотно: с таким опытом работы, с такими рекомендациями... Но дело не заладилось почти сразу. Алексею полагалось просто редактировать книги, он же пытался донести до непутевого автора свое видение сюжета, давил, если его не слушали – насмехался и оскорблял. Кроме того, работа редактора подразумевала не только творчество, но и целый ряд куда более скучных, однако необходимых для появления книги обязанностей. Алексей стабильно проваливал их все. Он срывал сроки, сдавал абы как сделанные макеты, плевать хотел на поручения, которые ему не нравились... Словом, увольнение стало просто вопросом времени.

Лишившись и этой работы, он начал пить. Это позволяло ему не думать о том, как давно не публиковались его стихи, как мало денег осталось у него на счету... Для пенсии он был слишком молод, для того чтобы начать все с начала в совершенно другой сфере – недостаточно молод. Да и не хотел он ничего менять, он просто хотел, чтобы весь мир увидел то, в чем он был убежден с самого начала: какая великая личность пропадает рядом с унылыми современниками!

В тот момент Алексей рисковал рухнуть в пропасть, но все-таки удержался. Пить не бросил, просто научился делать паузы, достаточные для того, чтобы заработать денег на жизнь. Он начал подрабатывать на издательства внештатным редактором и ридером – человеком, производящим первичный отбор рукописей.

Помогло ему и то, что началась эпоха интернета. Появились ресурсы для самостоятельной публикации, которыми Алексей тут же воспользовался. Он был уверен: стоит ему только показать свое творчество людям, и все изменится, уж люди-то поймут!

Однако люди его по большей части не заметили. Ну а те немногие, кому все-таки попались его сочинения, писали в основном нелестные отзывы, которые Алексей старательно удалял и искренне считал признаком зависти. В итоге он завел свой канал в социальных сетях. Критика у него была пусть и желчной, но не лишенной юмора – это Форсов должен был признать. На его речи о том, как все куплено, продано и занято бездарностями, сбредались его единомышленники, и Прокопов впервые за долгие годы получил аудиторию, пусть и не самую многочисленную.

Так ведь он не этого хотел... Он привлекал внимание, как мог. Он подчеркивал, что главное – это все-таки его стихи и тексты, но их игнорировали даже его подписчики. В какой-то момент он этого не вынес и решил отомстить тем, кто даже не знал о его существовании. Конец истории.

Или нет...

– Когда в его жизнь вернулись вы? – спросил Форсов.

– Несколько лет назад... Когда умер мой папа. В смысле, мой отчим, но я считала его папой.

Судя по тому, что рассказала Ирина, ее отчим был эмоционально закрытым человеком – любящим, но не умеющим это показать. Из-за этого даже близким казалось, что он сам не нуждается в проявлениях любви. К тому же Ирина вела активную жизнь, училась, строила семью. Лишь когда ее отец умер, она осознала, как мало с ним общалась, как редко благодарила.

И вот эту невысказанную любовь она решила перенести на биологического отца, который ею совершенно не интересовался. Сама она этого, скорее всего, не осознавала, Ирина была убеждена, что внезапно вспыхнувшая любовь к неведомому родителю – явление совершенно естественное. Ее никто не понял, с матерью они даже поссорились, но Ирину это не остановило.

Она отправилась к Алексею и объявила, что прощает его. Он, не просивший прощения и вряд ли даже считавший себя виноватым, просто принял это как женскую блажь. Не зная его сторону истории, Форсов не мог сказать наверняка, почему Алексей согласился на общение с дочерью. Самым вероятным вариантом были деньги, которые принесла в жизнь едва сводившего концы с концами Прокопова Ирина.

Нельзя сказать, что они мгновенно стали семьей... Да вообще не стали, до самого конца. И все же какая-то связь между ними была, неизменно по инициативе Ирины. Именно она звонила отцу, приезжала поздравлять с праздниками, дарила подарки. Алексей же проявлял симпатию разве что к ее сыну – то ли видел в мальчике себя, то ли углядел у него литературный талант.

Но примерно за полгода до смерти Алексея многое изменилось.

– Я поняла это не сразу, не тогда... Тогда мне было не до того, – печально улыбнулась Ирина. – Мне понадобилась где-то неделя, чтобы просто прийти в себя. Но с тех пор я думаю о том, что случилось, и нахожу все больше странностей. Он несколько месяцев до той встречи очень мало со мной общался, в основном текстом. Когда же мы встретились в кафе, я почувствовала... нечто странное.

– Что вы подразумеваете под этим?

Ирина задумалась, потом пояснила:

– Тревогу. Настороженность. Даже страх... Я не могла понять, почему, тогда я была сосредоточена на том, чтобы увлечь отца разговором. Но чем дольше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь: это был не мой отец. Тот, с кем я говорила, кто сидел напротив меня... и кто взорвал торговый центр. Это был другой человек.

– Ирина, нужно ли мне говорить вам, что была проведена генетическая экспертиза, которая подтвердила: рядом с бомбой находилось тело Алексея Прокопова?

Слезы снова скользнули из ее глаз, однако на этот раз Ирина просто проигнорировала их, даже стереть не попыталась, будто и не заметила вовсе. Может, и правда не заметила? Ей

было не до того: она находилась в двух днях одновременно, в настоящем и прошлом. Какое значение при таком раскладе имеют слезы?

– Я знаю, что мой папа погиб в тот день. Я это не отрицаю. Но бомбу взорвал не он.

– Вы хотите сказать, что человек, устроивший взрыв, не только притворился вашим отцом, но и подложил на место теракта его тело?

– Да. Именно это я и хочу сказать.

– Вы ведь понимаете, что это невозможно?

– Разве?

Хотелось ответить быстро и уверенно – а он не мог, не имел права. Николай не любил пустые слова, он должен был обязательно сохранять уверенность во всем, о чем говорил, а тут как раз уверенности не было.

Он еще раз прокрутил в памяти видеозаписи, связанные со взрывом. Сам момент теракта не видно: людей многовато, а украшения ограничивают обзор. Потом большая часть камер и вовсе отключилась, ну а те, что еще работали, мало что сумели снять из-за черного дыма, который порождал при горении пластик все тех же декораций.

Какие удачные декорации, если задуматься... удачные исключительно для того, о чем говорила Ирина: для подмены одного человека на другого.

Нет, все-таки домысел. Если там произошло нечто подобное, разве полиция не заметила бы это? А с другой стороны... Зачем полиции замечать? Зачем параноидально искать следы заговора, если основная версия безукоризненна? Форсов вынужден был признать: стражи правопорядка могли и упустить нечто важное. Не из-за глупости или коррупции, просто на тот момент у них не было причин для сомнений.

Вопрос в том, были ли они сейчас.

– Я понимаю, что любая дочь на моем месте говорила бы такое, но я его знаю, – продолжила Ирина. – Он реагировал не так, как обычно, не интересовался тем, что раньше было для него важно.

– Это можно объяснить нарастающим психозом.

– Можно. Но только ли этим? Думаю, вы видели фотографии моего отца... Скажите, таким человеком сложно притвориться?

И снова она была права: Алексей Прокопов, неопрятный, заросший, долгие годы скрывал половину лица под усами и бородой. Если бы кто-то решил его заменить, сделать это было бы не так сложно. Особенно при том, что, если верить словам Ирины, самозванец даже не озадачивался актерской игрой, он скопировал внешность Прокопова, не потрудившись выяснить все особенности его отношений с дочерью. Зачем, если он изначально собирался убить свой прототип?

– Есть и еще кое-что, – сказала Ирина. – Дело ведь не только в этом дне, есть другие странности! В полиции сказали, что папа сам собрал эту бомбу – нашел инструкции в даркнете, смешал ингредиенты... Он, который был эталонным гуманитарием!

– Даже эталонный гуманитарий может смешать компоненты бомбы.

– Может, – с готовностью согласилась Ирина. – Он их найти не может! Папины навыки обращения с компьютером сводились к базовому использованию социальных сетей. Он, даже много лет выгружая ролики на свой канал, не научился монтажу! Паролем от его почты было «один-два-три». Он почти не пользовался карточкой, предпочитал наличные, потому что боялся банкоматов. И этот человек разобрался, как взлезть в даркнет и найти инструкции по созданию бомбы? Да я этого сделать при всем желании не смогу!

– Возможно, он действовал не один.

– Он действительно действовал не один! Но полиция считает, что один. Они изучили его круг общения, его компьютеры, никакого сообщника не нашли.

– А вы, надо полагать, нашли?

Ирина заметно смутилась:

– Ну... да и нет. Я говорила с теми, кто его знал – соседями, людьми из издательства... По большей части они не могли выделить кого-то близкого в его окружении. Но некоторые соседи предполагали, что к нему ходит женщина.

– «Предполагали»?

– Никто ведь не следит за своими соседями в дверной глазок – так только в книгах и фильмах бывает! Да и происходило это ночью... Но ночью тоже не все спят! Собачники, те, кто возвращался с работы или из клуба, видели папу с какой-то женщиной, в том числе и входящими в дом. Разве это не странно? Эта женщина как будто намеренно сделала все, чтобы ее потом никто не опознал!

– Если она была.

– Я думаю, что была... Все ведь потом подстроили очень ловко! Ингредиенты этой бомбы у папы в квартире, поисковые запросы в его компьютере... Даркнет этот проклятый! Кто-то помогал папе... Или просто изучал папу, чтобы его заменить!

Ирина действительно верила своим словам – настолько, что даже не замечала пробелов в собственной истории. Судя по отчету экспертов, Алексей Прокопов погиб в день взрыва, независимо от того, он устроил теракт или нет. А до этого он много месяцев не замечал подозрительную женщину в своей квартире? Не видел странных ингредиентов? Впрочем, и отмахнуться от слов Ирины у Форсова не получалось. То, о чем она говорила, не тянуло на фантазии горюющей дочери. Все элементы могли сойтись в единую картину. Сумела бы женщина, далекая от криминала, просто взять и выдумать их?

– Это все? – уточнил Николай.

– Есть кое-что еще, последнее... Папа создал этот свой ругательный канал лет пять назад, точно не помню... Но популярны эти ролики никогда не были. Ну да, в них есть что-то смешное. Но при этом в интернете полно роликов смешнее, полезнее и с нормальным видеорядом! Так что количество просмотров под каждым роликом хорошо если до сотни дотягивало... Изначально.

– А несколько месяцев назад это изменилось?

– Вот именно! Я не могу сказать, что папин канал вдруг стал популярным, но в этот период начался заметный рост подписчиков, да и ролики стали выходить чаще.

И это тоже имело смысл... Если кто-то действительно готовился выдать Алексея Прокопова за террориста, основания должны были стать чуть более публичными, чтобы всякий, кто просмотрит его ролики, примкнул к числу невольных свидетелей обвинения.

Снова странность... Каждая из странностей, названных Ириной, была ничтожна сама по себе, однако набралось их столько, что игнорировать ее историю не получалось.

– Почему вы пришли именно ко мне? – спросил Форсов.

– Я попыталась обратиться в полицию, но там мне сразу сказали: то, о чем я говорю, – не доказательства и не основания для возобновления расследования. У меня и нет настоящих доказательств! Все сводится к личности папы, к поступкам, поведению... Я стала искать, кто мог бы разобраться с таким. Я бы вас, если честно, не нашла, но моему мужу подсказали... Так вы мне можете?

Николай прекрасно понимал, почему полиция отмахнулась от Ирины – и дальше будет отмахиваться. Теракт – это всегда скандал. Это не просто смерть, это угроза, внимание со стороны общественности и руководства. Исполнителей и организаторов нужно поймать как можно скорее, и если окажется, что обвинили не тех или поймали не всех, кое-кто может лишиться погон. Если бы Ирина принесла полноценные доказательства, проверку бы все равно провели, но из-за «догадок и ощущений» громкое дело трогать не станут.

Да и Николай не был уверен, что права сейчас Ирина, а не полиция. Но его чужие карьеры не интересовали, его интересовала только правда.

И эту правду он хотел найти.

Гарик Дембровский всегда считал, что на печальных и мрачных событиях не стоит сосредотачиваться. Ну, было и было. Нужно действовать: исправлять, делать выводы, а если это невозможно – отскочить, как мяч от стены, и жить дальше.

В теории звучало очень легко, проблемы возникали на этапе воплощения. Оказалось, что не от всего можно просто отскочить и сделать вид, будто ничего не было. Некоторые проблемы тянутся следом, как стая голодных дворняг, даже когда главная угроза миновала.

Лучше всего против такого обычно помогало действие, но тут Гарик действовать не мог. До передозировки не дошло – однако отравился он знатно. Он даже не мог сказать, чем именно, и это усложняло процедуру очистки. Богатый опыт прошлого подсказывал ему, что какими-то галлюциногенными грибами. Но какими именно? Сейчас этой дряни развелось куда больше, чем следовало бы – потому что она вообще не нужна.

В его случае это привело к тому, что он оставался прикованным к кровати, неспособный действовать, вынужденный думать. А о чем тут думать? Как легко рискнули его жизнью? Кто именно это сделал? То, что все могли поверить в его смерть от передозировки, если бы до такого дошло? Нет, не дошло бы, никто бы не осмелился, но – вдруг? А если бы «вдруг», то поверили бы. Не все, но многие из тех, кто имеет значение.

Это было большой проблемой номер один. Большой проблемой номер два стало то, что уже показало свою уродливую морду на горизонте. Желание... зависимость. Прямо сейчас, скованный слабостью и мучающийся от тошноты и головных болей, он точно не хотел продолжения. Но он понятия не имел, что будет дальше. Ему было плохо и больно, пока он сопротивлялся действию дурмана. Однако потом пришло именно то, ради чего эту отраву употребляют добровольно: обострение чувств, которого естественным путем не достигают. Потому что это не нужно – слишком опасно, уничтожает мозг... Но когда знаешь, что такое возможно, так ли просто отвернуться?

Ему хотелось верить, что он сможет. Однако сказать наверняка Гарик не брался, это остальных он убедил, что в прошлый раз легко соскочил, сам-то он знал правду. Да и потом, мрачные мысли о случившемся подтачивали его изнутри, склоняли к тому, что нужно снова попробовать – совсем чуть-чуть, просто чтобы не разбираться с проблемами прямо сейчас, дать себе паузу, спрятаться от мира.

Форсов пытался ему помочь, но, чтобы это получилось, Гарик должен был говорить с ним, довериться, а у него почему-то пока не получалось... Может, потому, что он не решался открыть наставнику всю правду? Даже при том, что Форсов, кажется, и сам догадался, кто за всем стоит. Есть ведь еще Матвей и Таиса... Таиса, которой он точно предпочел бы такое не показывать – и которая уже увидела слишком много! Гарик был рад, что прямо сейчас их нет поблизости. Но рано или поздно они вернутся, ему придется с ними общаться, смотреть им в глаза... Он понятия не имел, получится ли у него.

Единственным человеком, с которым ему относительно легко было разговаривать, оставалась Вера. Она вроде как знала о нем то же, что и остальные, и имела такое же право осуждать его. Но у Веры не профессионально, а совершенно естественно получалось располагать к себе людей, и легко было поверить, что она никогда от него не отвернется.

Она в очередной раз принесла ему обед, и запах еды, наполнивший комнату, сегодня даже не спровоцировал тошноту. Определенно прогресс! Гарик выдал вполне убедительную улыбку, и это тоже можно было считать признаком выздоровления.

– Что у нас за блюдо дня? – поинтересовался Гарик, помогая Вере поставить поднос на столик возле кровати. – Это что, попугай?

– Это перепел.

– Тот же попугай, только до стильного преображения. Николай наш Сергеич такое ест?

– Не ест, – рассмеялась Вера. – Потому и велел скормить тебе.

– О, я же говорил, что полезен в хозяйстве!

– А это никто под сомнение и не ставил. Как ты, солнышко?

– Как и положено солнышку: тёпл, бодр и сияю, – отозвался Гарик, прикидывая, чего в перепеле больше: костей или мяса.

Обычно Вера в обед уходила, позволяя ему есть в одиночестве – зная, что это нужно. А на сей раз она осталась... Значит, решила, что он готов к разговору, который ему наверняка не понравится. Гарику чертовски хотелось попросить ее отложить это, обсудить все позже, не сейчас, желательно – вообще никогда. Но он сдержался: Вера делала только то, что абсолютно необходимо.

– Давайте сразу худшую часть, – позволил Гарик. – Кстати, там только плохое или хорошее тоже есть?

– Там хрестоматийно, есть две новости, хорошая и плохая.

– О, давайте хорошую, я хоть суп, не подавившись, допью!

– Тебе не придется ложиться в клинику. Да, ты пережил кризис, и в ближайшие недели понадобится строгое наблюдение. Но тип использованного наркотика и реакция на него позволяют надеяться, что ты справишься без привлечения сторонних специалистов.

Она сказала только это – однако Гарик понял и кое-что другое. Во-первых, Форсов не собирается прерывать с ним общение, и это важно... Сейчас даже важнее, чем раньше. Во-вторых, Форсов займет его сторону, если Матвей, вернувшись в особенно плохом настроении, все-таки решит устроить второму ученику головомойку.

Новость и правда хорошая, жалко, что не избавляющая ото всех остальных сложностей.

– Что ж, новых друзей я в ближайшее время не заведу, – вздохнул Гарик. – А плохая новость в чем?

– Коля считает, что тебе следует подать в суд.

Он все-таки подавился. Правда, не супом, а чаем, но какая разница, если подразумевалось это как шутка, а в итоге привело к затяжному приступу кашля?

– Что? – спросил Гарик, едва обретя контроль над голосом. – Нет! Какой еще суд, над кем?

– Ты знаешь, над кем. И Коля знает. Он считает, что это вышло далеко за пределы шутки. Если такое оставить без наказания, будет повторение.

– Так ведь это была не шутка, – проворчал Гарик. – Это была месть.

– Ты правда так считаешь?

– Ну да. В декабре мой отец попал в аварию... Вы ведь знаете об этом?

– Знаю, – кивнула Вера.

Гарик предполагал, что так будет – Форсовы не упустили бы несчастный случай в его семье, а с учетом репутации его отца, это еще и в новостях мелькнуло. Никто, на самом-то деле, не удивился... Может, некоторых людей возраст действительно делает спокойней и мудрее. Однако Александр Дембровский об этом то ли не слышал, то ли проигнорировал. Он и после семидесяти продолжил гонять куда быстрее, чем следовало бы, а это ни в каком возрасте до добра не доводит.

Тут многое зависело от удачи, и в декабре она Александру все-таки изменила: автомобиль слетел с дороги и врезался в бетонное ограждение. Хорошо еще, что машина оказалась крепкой, дорогой, с отличной системой безопасности. Она сохранила Александру жизнь, и все же травм он получил немало, главной стали переломы обеих ног.

– С того момента и на ближайшие месяцы у бати из персонального транспорта только коляска, – пояснил Гарик. – Потому что сам виноват.

– Он-то виноват, а ты? С тобой это как связано?

– Напрямую – никак. Но кое-кто в нашей семье решил, что батя нуждается в сиделке, а я отлично подхожу на роль. Мне сказали приехать и держать умирающего за руку, роняя скупые слезы на его ночнушку. Однако у меня не было слез, а у него – ночнушки, и разговор завершился дружеским «иди на хрен».

Гарик до сих пор был уверен, что поступил правильно. Тут ведь нужно учитывать не какую-то нейтральную мораль, а их с отцом отношения, и своим отсутствием Гарик сделал для здоровья Дембровского-старшего куда больше, чем играми в сиделку. По крайней мере, для здоровья душевного.

– Ну и что с того? – изумилась Вера. – За что тут мстить? За то, что ты не предоставил помощь, которая на самом деле была не нужна?

– За то, что не послушался. Кое у кого пунктик на контроле.

– Гарик, это несерьезно.

– Не знаю... У меня как-то не было настроения для заливистого хохота. Но вообще, одно с другим сходится.

– Что у тебя с чем сходится?

– Я ведь не просто так оказался... там, – поморщился Гарик. – В том долбанном баре. Мы хотели обсудить именно это, была встреча...

– Кто-нибудь кроме тебя на эту встречу пришел?

– Нет. Тогда я решил, что в этом и заключается пакость: заставить меня прийти просто так. Детский сад, но терпимо. А потом меня накрыло...

– И туда прибыла полиция, – напомнила Вера. – Которой, как уже выяснил Коля, кто-то анонимно сообщил о «буйном наркомане».

– Да уж, анонимно... Но все это укладывается в мою теорию о мести.

– Это серьезный удар по твоей репутации, дорогой, не говоря уже о твоём здоровье. Даже если ты прав и единственной причиной была месть, это недопустимо. Поэтому необходимо наказание...

– Нет, – прервал Гарик. – Очень извиняюсь, что перебиваю, а за остальное не извиняюсь. Да, было паршиво. Но она считала, что права. Плюс, своего она не добилась и теперь отцепится.

– Ты в этом так уверен?

– Угу. Она изначально дороговато заплатила за такой сценарий, да и ее контакт в полиции наверняка ей какой-нибудь штраф прописал, чтобы не баловалась. Мы квиты! А если я сейчас заговорю про суд и наказание, она воспримет это как объявление войны. Поскольку этой дуре делать больше нечего, в войну она как раз может вписаться, это вполне подходит под ее определение слова «весело». А я ей подыгрывать не собираюсь.

– Я не буду заострять внимание на том, что ты не прав, – мягко произнесла Вера. – Мы даже проигнорируем то, что Коля тоже так считает. Ты мне лучше скажи... сам ты уверен, что все обстоит именно так?

– Ни секунды сомнений! – бодро соврал Гарик. – Знаете, что мне действительно нужно? Новое дело!

– Гарик... Ну куда ты лезешь?

– В бой. Я в порядке, честное слово, и готов и дальше жить и страдать на пользу общества. Ну как, есть что путное? А оно ведь есть, я знаю!

Вера лишь укоризненно покачала головой. Спорить и дальше она не собиралась – как не собиралась передавать ему материалы, хотя доступ к заданиям у нее был. Она, скорее всего, расскажет о его просьбе Форсову, ну а уже Форсов авторитетно пошлет его подальше.

Дождаться этого момента Гарик не собирался. Когда Вера покинула комнату, он достал свой смартфон и подключился к общему диску. Доступ был не открытый, но это для посторон-

них. Сам Гарик давно уже уговорил Юдзи обеспечить ему подключение – и теперь в очередной раз порадовался своей предусмотрительности.

Ему это было действительно нужно, причем что-нибудь посложнее. То, что будет важнее случившегося с ним... и всего, что еще может случиться.

Дело он все-таки подобрал, причем быстро. А как только появилась цель, нашлись и средства ее достижения: Гарик собрался, отыскал свою одежду, уже выстиранную и выглаженную Верой, и покинул дом, причем через окно – не столько из необходимости, сколько чтобы потренироваться.

Сам он был уверен, что новое задание – это способ реабилитации, значит, все в порядке. Форсов, естественно, будет недоволен, но вряд ли отстранит его от работы – Матвей и Таиса пока в отъезде, а дело важное.

Он не сомневался, что в ближайшие дни это расследование станет центром его внимания, а когда оно закончится, недавние события забудутся сами собой. По крайней мере, такой был план. Но, добравшись до дома, Гарик обнаружил нечто неожиданное.

На коврике перед его квартирой лежал букет цветов – из тех, что доставляют курьеры. Тут, скорее всего, тоже курьер доставил, пробрался в подъезд вместе с какой-нибудь тихой старушкой, долго барабанил в дверь, предсказуемо не получил ответа, стал созваниваться с заказчиком. Ну а заказчик милостиво позволил ему оставить веник на коврике, зная, что на это счастье никто не позарится и сообщение Гарик получит.

Четыре кроваво-красные розы, уже подвявшие, и записка при них.

«Хорошо посидели. Скоро нужно повторить».

В последнее время многовато навалилось. Матвей не собирался жаловаться, споры с судьбой еще никому не помогали. Просто отмечал произошедшее как факт – и анализировал свою реакцию на него, искал ошибки... к сожалению, находил.

Первое – Гарик. Получилось слишком эмоционально, а потому глупо, причем на грани жестокости. Узнав о том, что случилось, Матвей рассматривал только один вариант развития событий. Он теперь и сам не брался сказать, почему... Может потому, что он, как и Форсов, замечал моменты, когда Гарик уже подходил к краю – таких за прошедшие годы было немало. А может, это связано с тем, что никому не было нужно подставлять его. По крайней мере, Матвей о возможных причинах не знал... И это тоже ошибка: верить, будто ему известно все. Да сам Гарик мог не знать, что у кого-то есть причина начать за ним охоту!

Матвей не собирался делать вид, будто ничего не случилось, лишь потому, что его действия не усугубили ситуацию. Для себя он решил, что у него теперь долг перед Гариком, который рано или поздно придется отдать.

Второе – Таиса. Конечно же, потенциальные источники уязвимости – это люди, которых ты подпускаешь близко. Не то чтобы Матвей не знал об этом или не пытался предотвратить, просто иначе не получалось, оставалось лишь справляться с последствиями.

Таиса застала его врасплох. Он был уверен, что, если она не касалась темы его прошлого столько месяцев, то уже и не коснется. А она выбрала именно этот момент... когда Матвей еще толком не взял себя в руки после случая с Гариком. Он даже на миг предположил, что специально, потом понял, что вряд ли. И не в ее характере, и знаний для такого хитрого маневра не хватит.

Он ответил ей, потому что не мог не ответить. Но прошло все не очень хорошо, тут и сомневаться не приходится. Во-первых, Матвею пришлось импровизировать, он плохо контролировал то, что говорил ей. Врать Таисе он не собирался с самого начала, так ведь и правду можно подать по-разному! А он даже не помнил толком, что сказал ей.

Во-вторых, он не сумел проанализировать реакцию Таисы. Обычно у него получалось, но не теперь, и он понятия не имел, что она подумала о нем. И все же она прервала разговор до того, как стало совсем уж тяжело, а потом в своей типичной манере полезла обниматься. Матвею оставалось только принять это, тут, в отличие от случая с Гариком, и полноценные выводы сделать сложно.

Он позволил себе паузу – то недолгое время, что оставалось до посадки. Потом снова нужно было действовать, и неприятное чувство, оставленное разговором с Таисой, отступило само собой.

В аэропорту Матвей сразу арендовал машину, знал, что так удобней: они направлялись в маленький городок, там с общественным транспортом дела обстоят не очень. К тому же оставалась вероятность, что им придется наведаться в ближайшие леса, хотя поездка приятной точно не будет.

Они расследовали дело об исчезновении семьи. По крайней мере, так считалось официально. Матвей подозревал, что задание следует рассматривать как дело об убийстве семьи, просто пока что не было официальных оснований говорить об этом. И все же... Ну какие еще варианты? Беременная женщина и две маленькие девочки исчезли пять дней назад, с тех пор никто ничего о них не слышал. Понятно, что они мертвы. Но для того, чтобы наказать их убийцу, полиции нужны хоть какие-то улики, а улик как раз нет.

Это было одно из тех дел, когда убийца всем известен, однако перед законом он чист. Для этого и вызвали профайлеров: полицейские методы не сработали, появилась вероятность, что виновный останется безнаказанным.

Все это Матвей изучил, ожидая, когда Таиса закончит сборы, да еще в самолете. Таиса же добралась до материалов только сейчас, она просматривала пересланные Форсовым файлы, пока Матвей вел машину по загородному шоссе.

Никаких подсказок Матвей ей не давал, однако она после первого же прочтения спросила:

– Муж?

– Муж, – кивнул Матвей, не сводя глаз с дороги. – При таких случаях это чаще всего муж.

Со стороны семья Кохановых смотрелась если не идеальной, то близкой к этому, эдакая семья с открытки. В их случае это было не избитой метафорой: Жанна Коханова активно вела соцсети, часто заказывала фотосессии и результаты выкладывала на всеобщее обозрение. Так что у нее и мужа была полный набор подтверждений стандартного счастья: фото у камина на Новый год, фото с разноцветными яйцами на Пасху, фото с воздушными шариками на день рождения. Модели тоже подобрались отличные: высокий, мужественный, подтянутый Григорий Коханов, не безупречно красивая, но очаровательная Жанна, две маленькие дочки, похожие на светловолосых ангелочков. Намечался еще и кто-то третий – Жанна была на восьмом месяце беременности. Кто – больше не имело значения... Скорее всего, так. Матвей принял эту версию по умолчанию, чтобы подготовиться, не поддаваться эмоциям в решающий момент, нельзя же так часто повторять собственные ошибки!

Семья была не богатая, но вполне обеспеченная, причем зарабатывал не только Григорий: у обоих супругов был свой бизнес. Глава семейства сдавал в аренду машины и сам нередко таксовал. Жанна начинала карьерный путь официанткой в придорожном кафе, но уже к рождению первой дочери выкупила заведение, а теперь еще и дополнила его службой доставки, столь редкой среди маленьких деревень.

Все их знакомые теперь в один голос твердили, что они замечательная семья, без проблем, а значит, Гришу напрасно подозревают – он точно не мог! Однако опыт подсказывал Матвею, что в семьях, где безупречность упорно доказывают десятками красивых фото, проблем обычно немало.

О том, что Жанна пропала, в полицию заявила подруга. Коханова и эта Светлана только-только вернулись из Москвы – с конференции для малого бизнеса. Многие убеждали Жанну, что в ее положении лучше не путешествовать, но ей хотелось, да и третья беременность проходила легко. Правда, после шестого месяца Жанна не рисковала садиться за руль, поэтому домой ее отвезла Светлана. Но подругу это не насторожило: Жанна сказала, что муж работает, он придет только утром, казалось, что все под контролем.

Уже на следующий день Светлана позвонила подруге, чтобы узнать, все ли хорошо – и не получила ответа. Вообще. В иное время она бы от такого отмахнулась, а теперь не могла, она поехала проверить все лично, однако Жанны в доме не обнаружила.

Зато она пересеклась с Григорием. Он, похоже, только-только вернулся из той самой поездки и настороженным не выглядел.

– Включи видео ее допроса, – посоветовал Матвей, заметив, что Таиса добралась до нужного документа. – Так быстрее будет.

Он не знал толком, кто передал это дело Форсову, да и не интересовался. Куда большее значение для Матвея имело то, что им прислали все материалы, которые были у полиции.

Таиса не стала спорить, и вскоре на экране ноутбука появилась полная молодая женщина, растрепанная – но не из-за неряшливости, так выглядят люди, которые из-за горя забывают о собственной внешности. Накануне она плакала, однако со следователем теперь разговаривала спокойно.

– Гриша поздоровался со мной как-то холодно, только я не обратила на это внимания... Вражды между нами никогда не было, дружбы – тоже. Ну, он из тех, кто думает, что баба – друг человека, Жанночка над таким смеялась, а я игнорировала, мне с ним детей не крестить. Да и не важно мне это! Тогда мне только хотелось узнать, куда делась Жанночка...

– Что он вам ответил? – спросил полицейский, оставшийся за кадром.

– Что не знает! Я говорю: как это? А он такой: типа, вот так! Сказал, что Жанночка забрала детей и уехала куда-то, но он не знает, куда. Я ему: «Гриша, ты чего? Как ты можешь не знать, где твои жена и дети? Да и вообще, она только ночью вернулась, беременная... Куда ей ехать?» Тогда он и сказал мне, что они разводятся. Живут еще вместе, но уже давно не семья. А я такая: «Чего? Жанночка мне ничего не говорила!» Она действительно не говорила, никто и подумать не мог... Да у них третий ребенок должен родиться, кажется, наконец-то мальчик, Гриша так радовался! А теперь рассказывает мне, что у них развод, и как будто пофиг ему!

И все же в тот момент Коханов сумел убедить Светлану, что все в порядке. Она оставила подруге голосовое сообщение и стала ждать, однако Жанна ей так и не перезвонила. Тогда Светлана взялась за дело всерьез: связалась с общими знакомыми, другими подругами, родителями...

Жанны нигде не было. Никто не знал, куда она делась, и пока все указывало, что Светлана стала последним человеком, общавшимся с ней, Григорий заявлял, что прибыл уже после отъезда жены и не знал подробностей.

Вот тогда Светлана отправилась в полицию. Если бы речь шла только о Жанне, там, может, и попросили бы подождать, так ведь пропали еще несовершеннолетние, а в подобных делах совсем другие сроки.

Григорий Коханов вполне предсказуемо стал главным подозреваемым. Да он просто напрашивался на эту роль! Он не обращался в полицию, его не смущало, что вся его семья куда-то исчезла. На допросах он оставался равнодушным, как будто сонным. От ответов не уклонялся, однако и не стремился во что бы то ни стало помочь следствию.

На этот раз Таиса запустила видео, не дожидаясь подсказки, и на экране появился глава семейства Кохановых. Он, в отличие от Светланы, выглядел хорошо выспавшимся и в целом довольным жизнью.

– Я вообще без понятия, куда они делись, – рассуждал он. – Жанна со мной мало разговаривала в последние дни. Я вот, например, был против ее командировки в Москву, но кто б меня послушал?

– Создается впечатление, что ее подруга беспокоится о вашей семье больше, чем вы, – заметил следователь.

– Это потому, что Светка – истеричка, такие всегда к себе внимание притягивают. Я тоже беспокоюсь. Я пытался звонить Жанне, она отключила телефон.

– И все равно вы не пошли в полицию.

– Так она и раньше отключала телефон! Говорю же, мы разводимся... Она давно уже говорила мне съехать от них, но я отказывался: куда я денусь? Я этот дом построил, пока она рожала! Когда я обнаружил, что она уехала с дочками, я решил, что этот финт ушами – что-то вроде наказания.

– Вас не насторожило то, что она исчезла посреди ночи?

– Психанула. У нее в каждую беременность какие-нибудь закиды случались.

– Как она могла уехать? – настаивал следователь. – В период ее исчезновения междугородние автобусы не ходят, за руль она не садилась.

– И что? Уехать все равно можно. Договорилась к кем-то из своих подружек, теперь у них и отсиживается. Или на электричку пошла. Или лесом почесала до другого шоссе и попутку поймала.

Верить ему полицейские не спешили, в доме провели обыск, но ничего подозрительного не нашли – никакой крови, никаких следов сопротивления. Отсутствовали разве что личные вещи Жанны и девочек, однако это как раз подтверждало рассказ Григория.

Его пришлось отпустить – но не оставить в покое. Изучая материалы, Матвей вынужден был признать, что полиция выполняла свою работу добросовестно. Передвижения Коханова за последние сутки отследили, проверили его покупки, однако там не было ничего подозрительного – ни зловещих черных мешков, ни пилы, ни бетона, ничего из киношного «набора для избавления от тел».

Григория еще несколько раз вызывали на допрос, и допрос этот вели по-разному. Иногда с ним говорили вежливо, иногда откровенно давили. К нему подсылали местных психологов, его даже заставили побеседовать с собственной матерью, которая, рыдая, умоляла его рассказать, где ее внучки. Григорий неизменно оставался невозмутим.

Нельзя сказать, что он оказался отличным лжецом – нет, Матвей даже на видео мог различить моменты, когда Коханов врал. Он прекрасно знает, где его семья. Он стоит за этим. Но ему и не требовалось придумывать убедительную ложь, ему хватало того, что у полиции не получалось заставить его сознаться. А по закону до получения толковых доказательств Григорий оставался свободным человеком, и он позаботился о том, чтобы про закон помнили все, наняв толкового адвоката.

При этом полиция не заиклилась на одном лишь Коханове – Жанну и девочек продолжали искать с тех пор, как подтвердилось их исчезновение. Леса осматривали представители правопорядка и волонтеры, туда привели собак, однако толку пока не было. Три человека как будто растворились в воздухе. Судя по уверенности Григория, он нашел надежный способ спрятать тела, знал, что, если жертвы не будут обнаружены, история его семьи останется делом о загадочном исчезновении – но не об убийстве.

Теперь Матвею и Таисе предстояло разговорить подозреваемого, выяснить, куда он дел трупы, и тогда расследование пойдет по-другому. Матвей не сомневался, что получится: это по местным меркам Коханов стал чуть ли не преступным гением, на самом деле тут скорее вопрос времени.

Причем время это Матвей надеялся сократить. Он уже знал, что поговорить с Кохановым получится только вечером, и к этому моменту профайлеру предстояло выбрать страте-

гию, определить, какой подход сработает быстрее всего. Поэтому, как только они добрались до дома, арендованного для них полицией, Матвей разложил на столе все материалы и включил ноутбук, надеясь отыскать среди текстов и видео подсказки, способные стать ключевыми.

Он ожидал, что Таиса использует это время для отдыха, она ведь толком не спала. Однако ее это дело тоже не отпускало, она присоединилась к Матвею почти сразу, устроилась в кресле. На экран ноутбука она больше не смотрела, ее взгляд был устремлен в окно, за которым и не думал останавливаться холодный дождь, обозначающий границу весны и зимы.

– Ты веришь, что он это сделал? – тихо спросила Таиса.

– Убил свою семью? Верю. Я не вижу причин не верить.

– А как же... его дети? Трое его детей! Девочки эти, мальчик, который вот-вот должен был родиться... Как он мог их убить?

– Ты прекрасно знаешь, что это не единичный случай. Обязательная родительская любовь – миф. Хватает... индивидуумов, которые ею просто не наделены, они не могут ее развить, да и не пытаются.

– Я понимаю, я все это знаю, но... Даже если отстраниться от того, что это его дети... Все равно ведь дети! Старшей – только семь лет! Как он мог сначала ждать ее, потом воспитывать... и – убить! Ну нет же!

Матвею хотелось поддержать ее, сказать, что это неправильно и так не должно быть. Только вот подобные разговоры он считал напрасной тратой времени. Да, неправильно. Да, не должно быть. Но как чужие возмущения помогут несчастной маленькой девочке, с которой это уже произошло?

Не важно, был Григорий Коханов моральным уродом всегда или стал уже после свадьбы. Лучшее, что сейчас могли сделать профайлеры – помешать ему наслаждаться жизнью так, будто ничего особенного не случилось. А ведь пока что к этому все шло! Григорий освободил себе дом, он должен был рано или поздно унаследовать деньги, принадлежащие его жене, равно как и ее бизнес. Как только адвокат добьется того, что с него снимут обвинения, он, скорее всего, уедет туда, где и общественное мнение не станет для него проблемой.

Если они позволят – а они позволять не собирались.

Пока Матвей размышлял об этом, Таиса наконец отвернулась от окна и теперь возилась со смартфоном. Он допускал, что она даже проверяет, как дела у Гарика, но нет, от задания она не отвлекалась. Она запустила какое-то видео, Матвей уловил женский голос, однако звук был настроен слишком тихо, чтобы разобрать слова. Таиса быстро это исправила: она повернула экран к своему собеседнику и увеличила громкость.

– Кажется, я начинаю догадываться, когда он это задумал, – невесело усмехнулась она.

Она зашла на страницу пропавшей женщины в социальной сети и открыла один из недавних видеороликов, снятый чуть больше полугода назад. Сначала на экране появилась Жанна Коханова – счастливая, улыбающаяся, прижимающая палец к губам в шутовском призыве молчать, будто аудитория по ту сторону экрана могла выдать ее секрет.

Жанна дождалась, пока в гостиную вошел Григорий, устремилась к нему, протянула коробочку в подарочной упаковке, продолжая снимать.

– С днем рождения, любимый! – прошептала она. – У меня для тебя сегодня особенный подарок!

Григорий прижал ее к себе, но лишь потому, что она этого добивалась, отталкивать ее он попросту не стал. Он тоже улыбался, однако его улыбка была вымученной. Похоже, ему не нравилось, что его снимают, но он не решился ничего сказать, потому что не знал, запись это или прямой эфир.

Жанна не убирала камеру ни на секунду, она сняла, как муж открыл коробку, как обнаружил именно то, что и следовало ожидать – положительный тест на беременность. Тут Жанна не выдержала, снова набросилась на Григория с объятиями, развернула камеру так, чтобы в

кадр теперь попали оба. Она была счастлива и вряд ли хотя бы мысль допускала, что муж не разделяет ее счастье.

А он не разделял, даже продолжая улыбаться. Он просто держался за эту улыбку, чтобы не сорваться.

– Ты беременна... опять? – наконец произнес Коханов. – Как... здорово...

– Да! – почти крикнула Жанна. – Да, да, да! Третий малыш – нам обязательно нужен мальчик! Боже, я так счастлива!

– Ты что, плачешь? – растерялся Григорий.

– Это от радости!

– Все равно не надо, это же вредно... У тебя будет ребенок!

На этом ролик обрывался – сменяясь чередой поздравлений в комментариях. Но профайлеров поздравления не интересовали, они увидели все, что нужно.

– Обратил внимание? – поинтересовалась Таиса. – «У тебя» будет ребенок. Не «у нас»! Светлана говорила, что Кохановы очень хотели этого ребенка, но... что-то я сомневаюсь!

– Светлана говорила то, что слышала от Жанны, а Жанна верила себе. В ее картине мира дети всегда были благом и счастьем.

– Ну, он, знаешь ли, тоже большой мальчик и мог догадаться, откуда детки берутся!

– Знал и хотел этого – разные вещи, – напомнил Матвей. – Я еще раз просмотрел данные по обоим Кохановым... Там тоже есть кое-чтостораживающее.

– Например?

– Работа... точнее, карьера. Коханов с детства и через всю юность занимался хоккеем. Профессионально – насколько это возможно среди юниоров. Он ездил на соревнования, в том числе и международные, он неплохо себя показал. Он занимался спортом до тех пор, пока Жанна не забеременела, а произошло это достаточно рано, оба еще были студентами.

– Ну и что? Не он же беременный ходил, как ему чужой живот на коньках кататься мешал?

– Потребностью в деньгах, полагаю. Коханов был близок к профессиональному спорту, однако не дошел до него. Он не зарабатывал хоккеем. Когда стало известно о беременности, он начал подрабатывать в автомастерской, в тот же год он бросил учебу, высшее образование он так и не получил.

– Считаешь, он винил Жанну за то, что не стал великим хоккеистом? – задумалась Таиса. – Да ну, откровенная натяжка! Насколько я знаю, те, у кого получается зарабатывать на спорте, начинают делать это в ранней юности. Если у Коханова не получалось до тех пор, то уже и вряд ли получилось бы.

– Но я не утверждаю, что беременность Жанны действительно лишила его карьеры. Я лишь допускаю, что он сам может так считать.

– Ладно, засчитано... Туда же добавим и то, что свадьба у них состоялась через несколько месяцев после того, как Жанна забеременела.

Все это нельзя было использовать в суде – однако для профайлеров такие данные становились подсказкой. И все равно Матвей до последнего не мог выбрать, какой сценарий ведения разговора предпочесть. Поэтому, даже когда они добрались до места встречи, он не спешил, он позволил Таисе начать беседу.

Коханов, наученный горьким опытом, сразу пришел с адвокатом. Тот даже повозмущался, заявляя, что его клиента заставляют говорить «с кем попало». И все же встречу он отменять не стал, ему и Коханову наверняка казалось, что у полиции заканчиваются ресурсы, если перетерпеть этот разговор, Григория оставят в покое.

Отчасти, к сожалению, так и было.

– Григорий, здравствуйте, – очаровательно улыбнулась ему Таиса. – Я понимаю, вы воспринимаете нас как врагов, но это напрасно. У нас нет цели вас обвинить.

– Да неужели? – не сдержался адвокат.

Улыбка Таисы даже не дрогнула:

– Представьте себе. Все слишком сосредоточились на том, чтобы обвинить Григория, это какая-то дурацкая местная мода. А мы из службы защиты прав детей, наша задача – определить, куда делись девочки, вот и все.

– Очередной заход сильно издалека? – не сдавался адвокат.

– Вы считаете, что обвинение Григория важнее, чем судьба детей?

Пока они спорили, Матвей наблюдал за Кохановым. Тот в разговоре не участвовал, однако он давно замыкался, он объявил, что не будет повторять то, что полиции уже известно, а если и подаст голос, то только ради чего-то нового. И все же он не был опытным шпионом, он не мог не реагировать на происходящее вокруг него, и эта реакция оказалась любопытной.

Таиса явно испытывала метод «доброго и злого полицейских». Причем она была добрым полицейским, она улыбалась вполне убедительно, ее глаза искрились сочувствием, кто угодно поверил бы, что она симпатизирует обвиняемому.

Григорий, может, тоже поверил. Только его это не впечатлило, он смотрел на Таису так, как смотрел бы на придорожную шлюху, напрашивавшуюся ему в попутчики.

И Матвей наконец понял, что нужно делать.

– Слушай, да ты можешь помолчать? – недовольно спросил он, глядя на Таису. – Ну очевидно же, что тебя несет не туда!

Она и правда замолчала – пока что от удивления, ни о чем подобном они не договаривались, да и выбранная Матвеем стратегия не была типичной в такой ситуации. Но объяснить Матвей ничего не мог, и ему оставалось лишь надеяться, что она поймет сама.

Он же повернулся к Коханову и раздраженно закатил глаза:

– Бабы! Вот что я тебе скажу: не женись на коллеге, гемора не оберешься. Круглые сутки это бла-бла-бла под ухом!

Таиса не подвела: даже ни к чему не подготовившись, она сориентировалась мгновенно. Боковым зрением Матвей заметил, как она демонстративно надулась, скрестив руки на груди. Типичный жест обиды, который отлично скрывает отсутствие кольца на безымянном пальце. Матвею же об этом беспокоиться не пришлось: он кольцо надел до того, как вступил в разговор, такие мелочи он постоянно возил с собой.

– Давно женаты? – полюбопытствовал Коханов, и уже то, что он вступил в разговор, можно было считать маленькой победой.

– Два года – и, доложу я тебе, два года назад это казалось отличной идеей! А по итогу это то же самое, что засунуть себе радио в ухо на круглые сутки.

– Ой, да хорош! – хмыкнула Таиса. – Мы тут по делу, а ты снова всем подряд жаловаться начинаешь, тряпка, а не мужик!

– Закрылась! – замахнулся на нее Матвей, и девушка тут же испуганно сжалась. – О чем я и говорю, брат... Брак этот – как какое-нибудь разрекламированное по телеку дерьмо: все говорят, что хорошо, но если поведешься – одни проблемы!

Адвокат растерянно переводил взгляд с одного собеседника на другого, пытаясь понять, что происходит. Коханов же не искал тайный смысл, ему казалось, что все на виду. Он сам не любил женщин – и его совершенно не настораживало то, что кто-то другой относится к ним так же. Скорее всего, Матвей стал первым из представителей власти, кто вызвал у него хоть какую-то симпатию. Люди легко ладят с теми, кто произносит вслух то, о чем они думают.

– Честно скажу, я тебе сочувствую, – продолжил Матвей. – Не бабе твоей, а именно тебе. Эта дура гормональная сама учудила, но расхлебываешь по итогу ты!

– Наконец-то! – Коханов демонстративно хлопнул в ладоши. – Да я твердил об этом с самого начала! Дело не во мне, а в ней!

– Но ты все равно должен нам помочь, брат.

– В чем? – растерялся Григорий. – Я же, вроде, и так помогаю...

– Да тут нет твоей вины, тебя просто затравили, не о том спрашивали. Понимаешь, я верю, что ты не убивал своих детей, ты бы не смог! Но в этой дуре я совсем не уверен. Что, если она, желая отомстить, не просто увезла девочек, а убила их? Могла она или нет?

– Могла!

– Вот! А обвинят, если что, тебя! Помоги их найти, подумай, куда она могла пойти, куда дела бы тела, где затаилась бы потом, это реально поможет!

Матвей не просто становился другом Коханова – он предлагал Григорию выход, идеального козла отпущения в лице пропавшей жены. Она плохая, она нестабильная, сумасшедшая... Если ее труп найдут рядом с телами девочек, в убийствах обвинят ее. Если Коханов расправился с ней так, что это можно выдать за самоубийство, ему очень выгодно ухватиться за эту версию. Он даст полиции подходящую преступницу – и ускорит получение наследства, как только смерть Жанны будет подтверждена официально.

Он за эти дни настолько поверил в свою неуязвимость, что и мысли не допускает об обнаружении дополнительных улик на телах. Поэтому Матвею нужно было в первую очередь выяснить у него, где искать, чтобы полиция наконец начала расследовать убийство.

Григорий проглотил наживку мгновенно, похоже, чего-то подобного он и ждал.

– Да я давно уже говорил, что к ней нужно присмотреться внимательней, понимаешь? Но меня никто не слушал, все смотрели на ее фоточки в интернете – какая Жанна хорошая, какая суперская мать, да еще и беременная! А я, получается, плохой по умолчанию. Только я тебе скажу, как всем говорил: я своих детей не убивал! Я своих детей последний раз живыми видел! И если они умерли, виновата только она, это поймут все!

Было такое чувство, будто по коже электричество пропустили, и Матвей мог порадоваться лишь тому, что получилось не вздрогнуть от неожиданности. Он ведь такого не ожидал... Того, что Григорий скажет правду.

Но Коханов не солгал: он не убивал детей. Это вовсе не означало, что он к преступлению не причастен, он явно врал, когда убеждал окружающих, что его жена жива. Нет, Жанну он убил, тут без вариантов.

А вот девочки... с ними история другая. Он не собирался их жалеть, они достаточно взрослые, чтобы стать свидетельницами. Но Григорий каким-то образом устроил все так, чтобы они умерли в другое время, когда у него будет алиби. Это подстраховка на случай, если тела все-таки найдут, шанс обвинить во всем Жанну...

Но это Матвея пока не волновало, куда большее значение имело то, что и полиция, и профайлеры отнеслись к преступлению неверно с самого начала. Они-то считали, что расследуют дело об убийстве – а значит, времени у них много, мертвых уже не вернуть! Однако может оказаться так, что расследовать нужно убийство и похищение.

И вот тогда время обретает совершенно иное значение, начинается гонка, потому что сейчас дети еще могут быть живы – но, судя по довольному виду Коханова, жить им осталось совсем недолго.

Глава 3

У Матвея почти получилось, Таиса прекрасно это понимала. Обиженный человек лелеет свое негодование и быстро проникается симпатией к тому, кто его вроде как понимает. Вот и Григорий Коханов, настороженный в иное время, почувствовал в Матвее родственную душу, потому что профайлер умел быть убедительным. Раньше Таису поражала скорость его перевоплощений, теперь она знала, что он на такое способен, однако все равно не утратила восхищение. В одну секунду рядом с ней сидел тот самый Матвей, которого она знала и которому доверяла, а в следующую – убежденный женоненавистник, который успокаивает свою предполагаемую возлюбленную не словами, а подзатыльником. Да Таиса сама бы ему поверила, если бы знала чуть меньше! А Коханов тем более купился, он готов был выйти на нужную тему...

Но вмешался адвокат и все испортил.

– Григорий Семенович, думаю, этот разговор нужно прекращать, иначе создастся впечатление, что раньше вы сказали нам меньше, чем вам известно.

На этом моменте Таисе хотелось взвыть, а еще лучше – сломать о голову адвоката что-нибудь не слишком ценное. Например, табуретку. Понятно, что он выполняет свою работу... Но неужели он не понимает, что речь идет о жизни двух маленьких девочек? Жизни, не смерти! Пускай защищает этого утырка в суде, пожалуйста. Разве может быть его репутация дороже всего?

Но адвокат то ли не понимал, что на кону, то ли ему действительно было все равно. Да и Коханов быстро опомнился, он снова замкнулся – сообразив, как близко он подошел к опасной черте, он теперь вряд ли повторит ту же ошибку.

Пока Таиса верила, что они расследуют убийство, это было не слишком важно: она не сомневалась, что они все равно разоблачат Коханова, так или иначе. Но они получили от первого допроса куда больше, чем ожидали! Судя по взгляду Матвея, он тоже догадался, что девочки могут быть живы. Однако он задерживать Коханова не стал, понял, что они ничего не добьются от этого человека. Он позволил ему и адвокату уйти.

Когда они остались наедине, он спросил:

– Ты тоже поняла?

– Что именно, что нам уже пора пожениться, потому что мы все равно используем эту легенду чаще всего? – не выдержала Таиса.

– Не своевременно.

– Прости, нервы... Они ведь живы, да?

– Могут быть, – уточнил Матвей. – Сейчас... уже неизвестно. Но они были живы, когда он последний раз их видел, это он сказал честно. Пока мы можем быть уверены в одном: Коханов не убивал дочерей своими руками.

– Может... он и вовсе не хотел их смерти? Это все-таки его дети!

– Нет, это по-прежнему опасное заблуждение. Я предполагал изначально, теперь убедился: он этих детей не любит. Они для него даже не достижение, они – помеха его свободной жизни. Ему нужно, чтобы они умерли, но он не убил их сразу, потому что так ему было удобней всего.

Если Матвей все определил верно, а это скорее всего так, девочки изначально были частью сложного плана. Они все еще где-то там... Но где? Рядом слишком много лесов, река, озеро, болота... Все то, что в иное время способствует радостному детству, теперь могло стать смертельной угрозой.

Таиса сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Нужно отстраниться от того, что кто-то способен убить собственных детей, и рассматривать этих девочек как ресурс. Жестоко? Да

– но не для Коханова. Если они поймут, как именно он использовал их, у них еще останется возможность их спасти!

Таиса прикрыла глаза, прокручивая в памяти все, что им было известно про ту самую ночь, когда пропала семья. Жанна вернулась ночью, вошла в дом. Сразу же Коханов ее не убил бы, он ждал, пока уедет ее подруга. Девочки... они, наверно спали. При этом полиции Коханов предоставил алиби: он якобы всю ночь работал. В полиции, естественно, все проверили, и его алиби по большей части подтвердилось, его той ночью видели коллеги, он мелькнул на заправке. И все же оставалось около четырех часов, когда никто не мог точно определить местонахождение Коханова.

За эти четыре часа ему нужно было дождаться Жанну, убить ее, погрузить тело в машину, похитить девочек, спрятать их где-то живыми... Это многое усложняет. Тела можно закопать, живых людей, которым и положено оставаться живыми, – вряд ли. К тому же, если Матвей угадал верно и планом Б для Коханова изначально была попытка свалить убийство детей на жену, ему нужно было убедиться, что девочки ни при каком раскладе не погибнут одновременно с Жанной или раньше нее, а еще – что они не будут убиты способом, недоступным уставшей беременной женщине.

Догадка наконец появилась. Таиса понятия не имела, верная ли, но время по-прежнему поджимало, приходилось работать с тем, что есть.

– Девочек не было дома, когда она приехала! – объявила Таиса.

Матвей, который в этот момент явно обдумывал какую-то другую теорию, бросил на нее удивленный взгляд:

– Что?

– Посуди сам: это же удобней всего! Господи, поверить не могу, что я говорю об удобном похищении детей...

– С этого момента прекрати тратить время и энергию на сантименты, – посоветовал Матвей.

– Да, ты прав... В общем, все обстоит так: Коханов изначально предполагал, что алиби у него будет дырявое. И ему нужна эта дыра – чтобы совершить преступление, следовательно, чем меньше она будет, тем лучше. При этом он не знал, когда именно Жанна будет дома: возможна и задержка рейса, и неприятности в дороге. Он оставил себе это время на погрешность, но когда речь идет еще и о двух маленьких детях, погрешность контролировать сложнее. Если бы они были... мертвыми... ему было бы проще просчитать, сколько времени уйдет на перенос их в машину... Но ему было очень важно, чтобы они были живы, пока жива их мать. Да и потом, это ограниченное время ограничивало и территорию, на которой он мог спрятать тело.

– А живых спрятать сложнее, – кивнул Матвей. – И все равно не факт, что он разбил бы столь сложную операцию на несколько дней... Он мог учесть, сколько времени понадобится, чтобы девочки добрались до машины своим ходом.

– Да? Ты когда-нибудь маленьких детей в дорогу собирал? Эта плюшевого мишку ищет, этой в туалет надо... И прикрикнуть на них нельзя, чтобы они не заплакали и не привлекли внимание соседей. Опять же, дело было ночью, ему нужно было разбудить девочек, справиться с их удивлением. Причем с трехлетней дела обстояли проще, а вот семилетняя девочка наверняка начала бы задавать очень много вопросов. Что, если бы она случайно увидела убийство матери? Да она бы рванула прочь, все к тем же соседям, полный провал для Коханова!

– Пожалуй, ты права... Особенно при том, что у него было несколько дней при отсутствии Жанны.

– Не несколько дней, – покачала головой Таиса. – Один, прямо перед ее возвращением. Даже если принять по умолчанию, что он не собирался оставлять детей в живых, он рисковал, отправляя их в укрытие. Он держал их дома до последнего, а потом перевез в место, где они прожили бы какое-то время, но не слишком долго. К тому же я больше чем уверена, что Жанна

звонила им каждый день. Исключение – последний день: там был банкет, я уже посмотрела, а потом – ночной рейс. Даже если бы во время банкета она попыталась позвонить девочкам, Коханов мог сказать ей, что они спят.

– Принято. Значит, девочки в укрытии, расположенном уже не в трех-четыре, а примерно в двенадцати часах от дома.

– В потенциале. И еще... Там, где он сможет перепрятать... тела...

– Нет, – прервал Матвей. – Это – точно нет. Он прекрасно понимал, что после исчезновения семьи к нему будет приковано всеобщее внимание. Он ни за что не сунется туда, где оставил жену и детей.

– Возможно, у него есть сообщник? Тот, кто должен гарантировать смерть девочек при любом раскладе...

– Найти человека, способного на убийство маленьких детей, достаточно сложно.

– Но он мог это сделать, – настаивала Таиса. – И...

Договорить она не успела: дверь в комнату отворилась, к ним заглянул дежурный. Уже по его выражению лица, по взволнованному взгляду Таиса могла догадаться, что он не чай предлагать пришел. Секундой позже ее подозрения подтвердились:

– Нашли Жанну Коханову, в лесу... мертвую!

– А дети? – быстро спросил Матвей.

– Детей не нашли... Но они должны быть где-то рядом! Вы поедете?

Матвей уже поднялся, а вот Таиса осталась на месте.

– Езжай, – поддержала она. – Если они там, тебя одного хватит, а если нет... Я хочу кое-что проверить.

Он не стал ни спорить, ни расспрашивать, что же она задумала. Время все еще ускользало, убегало, и терять его Матвей не хотел, очень скоро Таиса осталась в одиночестве.

Она надеялась, что ошиблась, что девочек найдут рядом с матерью – живыми и невредимыми. Но Таиса слишком хорошо понимала, насколько маловероятен такой исход. Да, волонтеры искали несколько дней, так что нельзя сказать, что Коханов бросил тело на виду. Однако он оставался уверенным, его, похоже, не пугало обнаружение... Вероятнее всего, смерть Жанны выглядит как суицид. Понятно, что эксперты обнаружат разницу и Коханов свое получит, самоуверенность до добра не доводит. Но пока он убежден, что у него все под контролем, а для этого тела девочек должны оставаться ненайденными, они – фактор риска... Вот и где они?

Если бы определить это было так легко, детей давно нашли бы. Мог ли Коханов построить нечто особенное? Один, без помощи? Допустимо, но маловероятно. Вопрос в том, где бы он нашел достаточно надежного союзника. Друзей у него не было, и это нормальное явление для людей такого типа. В близкий круг входили в основном коллеги, так что Таиса вывела на экран список сотрудников его маленькой компании – и сразу обнаружила кое-что любопытное.

Она уже видела этот список раньше, но тогда она пропустила странную деталь, потому что не знала об отношении Коханова к женщинам, которое только что выявил Матвей. Среди сотрудников компании были только мужчины – за единственным исключением. Бухгалтерию вела женщина, причем приглашенная: поскольку офиса у фирмы не было, да и финансовые потоки на крупный бизнес не тянули, потребность в полном штате отпадала сама собой.

Женщина эта, Ксения Мошкова, получала за свои услуги солидное вознаграждение – ее зарплата была немногим меньше зарплаты самого Коханова. Не настораживающе велика, вполне нормально для хорошего специалиста. Вот только с учетом обновленного психологического профиля Коханова вероятность того, что он максимально приблизит к себе, по сути, уравнивает с собой молодую женщину, была низка. Но это если говорить исключительно о профессиональных отношениях... Что же такого сделала Ксения, что Коханов явно симпатизировал ей больше, чем собственной жене?

Как будто так много вариантов...

Ксению Мошкову уже допросили, и не раз. Она подтвердила алиби Коханова, насколько это вообще было возможно. При этом ее показания полностью совпадали с показаниями других сотрудников, нельзя сказать, что она изо всех сил выгораживала босса. Полиция оставила ее в покое, так ведь у полиции были совсем другие вопросы!

Домашний адрес Ксении был указан в файле, жила она в той же деревне, поэтому Таисе было несложно добраться до нее пешком. Профайлер допускала, что прямо сейчас может столкнуться с сообщницей Коханова, той, кто ради собственного «женского счастья» готов пожертвовать чужими детьми... Но как только Ксения открыла дверь, мнение о ней пришлось поменять.

Она не была похожа на торжествующую соперницу, наконец добившуюся своего. Молодая женщина выглядела изможденной, бледной, давно уже забывшей о нормальном сне – пожалуй, на все те дни, пока продолжались поиски пропавшей семьи. Это не исключало, что она приняла участие в преступлении, а потом раскаялась, однако не делало такой сценарий единственным. В любом случае, Ксения знала больше, чем обычная коллега.

– Таисия Скворцова, психолог-криминалист, консультант полиции по делу об исчезновении семьи Кохановых, – представилась Таиса. – Я могу войти?

– Зачем? – насторожилась Ксения.

– Потому что нашли труп Жанны Кохановой, а детей не нашли совсем – ни живыми, ни мертвыми.

– Господи... Но при чем тут я?

– Вы мне скажите: вы тут при чем или ни при чем?

Когда она только начинала обучение у Форсова, Таиса уже умела определять ложь собеседника – но не так хорошо, как хотелось бы. Лучше всего ей удавалось уловить неправду в словах, невербальные признаки давались ей куда хуже. Однако за прошедшие с тех пор месяцы она наблюдала за работой других учеников и слушала самого Форсова.

Так что теперь она мгновенно определила: кое-что она угадала верно. Да, Ксения знает нечто такое, о чем не сказала полиции... Пока что это может быть что угодно, но Таиса решила довериться теории вероятности.

– Вы с ним любовники?

– Что? Конечно же, нет! – вспыхнула Ксения.

Конечно же, да.

– Как долго? – продолжала гнуть свою линию Таиса.

– С чего вы вообще это взяли?!

– Нашелся свидетель, видевший вас вместе. Как долго, Ксения?

– Не знаю, что там за свидетель, но я отказываюсь обсуждать этот абсурд!

– А придется. Выбор лишь в том, со мной вы поговорите или с полицией. Ну и ваше будущее зависит от того, живы девочки или мертвы... А если мертвы, то какова ваша роль в этом?

– Нет никакой роли! Я никогда не желала смерти ни им, ни Жанне!

– Иногда для того, чтобы человек умер, не нужно действие, достаточно молчания.

Ксения все-таки сдалась: отвела взгляд, опустила плечи. Быстрый успех был связан не только с эмоциональной атакой Таисы, похоже, молодая женщина и сама мучилась от чувства вины. Не все преступники гордятся собой, некоторые хотят быть пойманными, даже если не решаются признаться в этом самим себе.

– Проходите в дом, – пригласила Ксения, кутаясь в растянутую кофту. – Тут говорить точно не стоит...

Естественно, изображать радушную хозяйку она не собиралась, ей просто не хотелось, чтобы о странной беседе узнали соседи. Хотя они и так узнают: в деревнях секреты хранятся плохо. Однако Таису это не интересовало, ей нужен был недостающий фрагмент истории.

Сообщницей Ксения все-таки не была, от этой версии пришлось отказаться почти сразу. Не потому, что она так сказала, Таиса находила все новые признаки – в ее словах, поведении, во взгляде. Зато она была любовницей, так что прочертить границу между собой и чудовищным преступлением у нее все равно бы не получилось.

Она и Григорий Коханов начали встречаться примерно год назад. Ксения прекрасно знала, что он женат, у него есть дети. Ее, в отличие от многих любовниц, это не смущало, радовало даже! Саму Ксению законный брак не привлекал, ей нравился тот период, который называют конфетно-букетным: Коханов добивался ее, щедро дарил подарки, не наглел, потому что знал – она способна уйти в любой момент. Запретный плод обеспечивал Ксении куда более острые эмоции, чем развитие отношений.

Она даже не понимала, что играет с огнем, ей казалось, что все под контролем: либо она встречается с Кохановым, либо все заканчивается. Какие еще варианты? Таиса же могла сказать, что люди такого типа, как Григорий Коханов, могут всерьез увлечься женщиной, но это никогда не будут хотя бы отчасти платонические отношения. Его притяжение к ней было страстью и желанием обладать, наивно верить, что он уважал Ксению больше, чем других женщин, или ценил как человека.

Ему важно было получить ее в единоличное пользование любой ценой, вот о чем не догадывалась Ксения. Она очень быстро поняла бы это, если бы попыталась уйти от него, однако до такого не дошло. Пока любовница оставалась ласковой и послушной, Коханов считал, что единственное препятствие на пути к счастью – его семья.

Ну а от препятствий избавляются.

– Что-то начало происходить примерно месяц назад, – тихо сказала Ксения. – Я не могу сказать, что были очевидные перемены, но... Гриша вел себя иначе.

– Замкнулся?

– Наоборот! Он стал веселее, он больше говорил, чаще смеялся... Я даже решила, что произошло нечто особенное. Спросила его, он сказал – нет, да и я никаких там событий не обнаружила...

Потому что не все можно обнаружить. Вероятнее всего, месяц назад Коханов принял решение, с тех пор обдумывал грядущую свободу, и она радовала его все больше.

– Были с его стороны какие-нибудь проявления агрессии по отношению к семье? – спросила Таиса.

– Нет, что вы, если бы были, я бы уже сообщила полиции... Но нет ничего такого, что можно ему предъявить. Что бы я ни сказала, это будет звучать глупо, как моя истерика какая-то... У человека горе, а я к нему цепляюсь!

– Не думайте о нем, он со всем разберется сам. Скажите мне, что вас насторожило.

– Он уже несколько недель говорил о своей семье в прошедшем времени, – признала Ксения. – Не всегда, но... мы и упоминали их не так часто. Только раньше такого не было! Не могу сказать, что тогда это меня испугало, я думала, он так шутит, старается сделать мне приятно: мол, они мое прошлое, а ты – будущее!

– А потом они исчезли.

– Да... потом они исчезли.

– Что Григорий сказал вам на этот счет?

– Ничего... Мы с ним не встречались. Мы никогда не афишировали наши отношения, а теперь я тем более не хочу! Но... я не могу перестать думать... об очень нехороших вещах.

Оно и понятно: Ксения не была психологом, однако обладала тем, что зовут интуицией. Не мистической способностью распознавать тайны, а подсознательным анализом и подсознательными же выводами. Она встречалась с Григорием год. С точки зрения современного общества, ее любовник был успешным, привлекательным, положительным даже – в некотором

смысле. Поэтому Ксения уверенно подавляла голос инстинктов, который давно уже предупреждал ее, насколько опасен этот человек.

Сейчас она боялась, но сложно сказать, чего именно – того, что не предвидела участь детей, или того, что Коханов мог сотворить с ней, если бы она послала его подальше. Для Таисы было важно лишь то, что могло помочь расследованию. О самом преступлении Ксения не знала, однако дать подсказку все еще могла.

Их роман действительно не заметили, иначе их уже сдали бы полиции, и к Ксении проявили бы куда большее внимание. А скрывать отношения в маленькой деревне – та еще задача, особенно год, но у этих двоих получилось. Умение прятаться от посторонних глаз можно использовать по-разному...

– Где и как вы встречались? – спросила Таиса.

– Тут важно еще «когда»... Иногда – в его машине, когда нужно было отвезти меня в банк по делам компании. У меня есть машина, но я всем говорю, что боюсь водить, чтобы была причина с ним почаще оставаться. Один раз мы вместе ездили в отпуск, когда его жена не могла – она уже была беременна третьим, токсикоз и все дела...

– Это исключения, они не важны, – прервала профайлер. – Здесь, в условиях деревни, где вы встречались? Секс с вами ему требовался часто, в идеале – два и более раз в сутки.

– Откуда вы знаете? – поразила Ксения.

Потому что собственники уровня Коханова, не имея власти над объектом обожания, стараются проявить эту власть самым очевидным на их взгляд образом, закрепить свое право, по сути – «пометить территорию». Но пускаться в объяснения профайлер не собиралась, она повторила:

– Где вы встречались?

– В лесу... Там удобней всего – много дорог, которые знают только местные, а местные если и бывают, то по выходным. По будням – хоть в первых же кустах раздевайся!

– Это летом. А зимой, осенью?

– Тоже там. Там есть что-то вроде охотничьего домика возле болот... Нет, не так, это не домик, это такая кустарная постройка... Я случайно узнала от человека, который такое сделал, я ему тоже помогала с бухгалтерией. Он эту временку использует в сезон зимней охоты, да и то по выходным, а в другое время нельзя – сначала все было нормально, а потом болота сместились, расширились, и туда можно только в морозы пробраться, а как потеплеет – уже нет...

Вот оно.

Таиса поняла это сразу, мгновенно, интуицией ведь не одна Ксения наделена! Ну а потом профайлер начала обдумывать ситуацию – получая все новые и новые доказательства того, что это место подходило Коханову идеально.

О временке мало кто знал. Те же, кому все-таки было о ней известно, ездили туда редко и в марте вряд ли собирались.

В день, когда предположительно пропали девочки, как раз было морозно, Коханов мог привести их во временку без какого-либо риска для себя, запереть там, зная, что уже на следующий день наступит оттепель. Лед, по которому они прошли, превратится в воду, вода скроет запахи от служебных собак. Конечно, рано или поздно туда доберутся люди, но станет уже слишком поздно...

А может, слишком поздно стало уже теперь, это Таисе только предстояло узнать.

– Вам уже известно, что я обладаю безупречным литературным вкусом. А теперь представьте, насколько мне тяжело прорываться через ту макулатуру, которую сегодня именуют

книгами. Лучше всего продается какой-нибудь пошлый бред, тогда как по-настоящему умные книги, сложные, с истинными ценностями, похоже, остались в далеком прошлом. Именно поэтому меня в свое время заставили уволиться из издательства: думающие люди там попросту не нужны, только биомасса с дипломом, которая будет продвигать такую же биомассу.

На этом моменте Николай Форсов остановил воспроизведение. Не потому, что устал от самовосхваления Прокопова, а потому, что услышал достаточно. На самом-то деле достаточно он услышал еще три ролика назад, однако хотел удостовериться в своих выводах.

Все видеоролики на канале Прокопова записал лично Прокопов, тут его точно никто не заменял. И в торговом центре погиб Прокопов, Форсов уже проверил, кем и как проводилась экспертиза, всё без нарушений. Однако профайлер не мог сказать, что подозрения Ирины были напрасными. Нет, кое-что странное в эту вроде как безупречную версию с доморощенным террористом все-таки прорвалось...

В дверь постучали, секундой позже в кабинет вошла Вера. Николай сто раз говорил ей, что она может входить без стука, хотя прекрасно знал, что она не будет. Его жена всегда была слишком вежливой, чтобы вваливаться без приглашения.

– Ну как? – спросила она. – Есть что-нибудь?

– Он абсолютно точно нарцисс, – задумчиво отозвался Николай. – Дочь описала его верно: он много лет был уверен в своей исключительности, он считал себя если не гением, то куда более образованным и мудрым человеком, чем его окружение.

– Это важно? Нарциссы не могут совершить такой поступок?

– Нарциссы крайне редко заканчивают жизнь самоубийством, они слишком ценят себя для этого. Такой вариант не исключен, но у Прокопова с каждым месяцем оснований для самоубийства становилось не больше, а меньше.

– Я видела некоторые его видео, он выглядит... фанатичным.

– Он таким и был.

– Мне показалось, что эмоций со временем стало больше, – отметила Вера.

– Да, потому что подписчиков у него стало больше, и он определенно упивался этим. Его активно поддерживали те, кто сам получил отказ везде и всюду, уверовал, что все продано, и убедил себя, что причина отказа – слишком высокий, а не слишком низкий уровень качества. Что, по сути, представляет собой та погоня за славой, которой Прокопов посвятил свою жизнь? Признание толпы – как один из обязательных компонентов.

– Он хотел признания из-за своих работ, а не критики.

– Он получил и такое признание, – кивнул Форсов. – Он убедил свою паству, что у него есть доступ в издательства, он может способствовать публикации «по-настоящему качественных работ». Для того, чтобы привлечь к себе внимание и продемонстрировать якобы безупречный вкус, многие его подписчики покупали его книги и писали хвалебные рецензии. У него все шло хорошо. Такому человеку, как Прокопов, нужно дойти до определенной степени отчаяния. Убить других ему не так сложно, он легко придумал бы для этого с десяток обоснований. Но убийство себя или даже потеря свободы его совершенно не манили.

– Для полиции это не аргумент.

– Да, слишком зыбко, недоказуемо... Ирина была права в том, что обратилась ко мне. На данный момент единственное, что указывает на возможную невиновность Прокопова, – нестыковки в поведении. Хотя, если честно, этого маловато... Даже я не могу сказать, имеет ли это принципиальное значение. Я уже изучил все, что можно, и пока работать по-настоящему не с чем. Похоже, придется все-таки оставить это...

– Не спеши, пожалуйста, – сдержанно улыбнулась Вера. – Я пришла не просто проверить как у тебя дела и предложить ужин – хотя с этого момента предложение в силе. Я пришла сказать, что приезжал курьер из полиции. Тебе привезли все, что ты просил.

Кому-то другому, пусть даже профессиональному психологу, такие данные не предоставили бы, но у Форсова хватало влиятельных друзей, которые ему задолжали. Их его интерес к громкому делу не порадовал, и все же упираться они не стали. Николаю пообещали копии всех документов, связанных с расследованием.

Как и следовало ожидать, документов оказалось много – несколько коробок среднего размера. Николай пожалел, что именно сейчас под рукой нет ни одного ученика, которого можно использовать в качестве грузчика, ссылаясь на старость. А может, оно и к лучшему – меньше причин понизить требования к себе! Коробки он перетаскал сам, Вере помочь не позволил, Вера же в отместку не позволила ему поднимать больше одной за раз.

Как и подозревал Николай, мгновенного прорыва не было... да вообще никакого не было. Полицейские файлы были по большей части сложной, упорядоченной и все же предсказуемой версией того, что сообщили общественности. У теракта не было двойного дна, некой страшной правды, которую власти старательно прикрывали ширмой. Все произошло именно так, как казалось на первый взгляд. Ну а то, что Алексей Прокопов совершил нетипичный для себя поступок... Мало ли, что ему в голову стукнуло! Возможно, он страдал от болезни, которую просто не успели диагностировать.

Николай уже второй раз был близок к поднятию белого флага, когда добрался до коробки, оказавшейся больше остальных – и вместе с тем легче. Это интриговало, и Форсов даже проверил данные на ней, чтобы убедиться, что она тоже прислана полицией. Все верно, только непонятно, что внутри...

Вера возиться с бумагами не хотела, она пришла в кабинет лишь для того, чтобы составить компанию мужу, и все это время была занята вышивкой. Но когда Николай открыл коробку, она отвлеклась, отложила ткань и нитки, явно заинтригованная неожиданным зрелищем, представшим перед ними. Да и понятно, почему!

– Надо же! – восхитилась Вера. – Я не знала, что полиция теперь так работает!

– Потому что полиция так не работает, – задумчиво отозвался Форсов.

Перед ними оказалась модель холла торгового центра – что-то вроде кукольного домика, но куда совершенней. Неизвестный мастер, создавший ее, учел все, от неработающих лампочек на поврежденной взрывом вывеске до мельчайших капель крови, рассеянных по полу. Здесь были и жертвы, причем в тех позах и в той одежде, в которых их обнаружили эксперты, это Николай сразу же проверил по фотографиям. Ему доводилось слышать о том, что в других странах диорамы часто используются при расследованиях, однако ему казалось, что в России такое не практикуют...

Стоять тут и гадать он не собирался, он набрал номер знакомого, который передал ему файлы. Тот ответил, пусть и не сразу, и он не собирался скрывать, что звонку не рад:

– Коля, ты на часы смотришь? Это ты у нас вольный художник, у которого день начинается в полночь. Некоторые хотят вставать утром и спать ночью.

– Что за макет? – спросил Форсов, игнорируя долгое вступление.

– Что?.. Какой?.. А, этот макет! Оригинал, между прочим, больше, чем ты просил!

– С каких пор вы делаете такие макеты?

– Мы и не делаем, это равнодушные граждане прислали.

– Ты хоть проверил этого человека?

– Ты меня совсем за дебила держишь? Проверил, конечно! Там какая-то умственно отсталая инвалидка, у которой такое хобби: она собирает как можно больше фотографий какого-то места, а потом по ним делает макет. Ну и мать ее решила, что полиции эта поделка очень уж нужна – как будто нейросеть сейчас сделает хуже! Не знаю, кто додумался этот мусор к делу приобщить, но... можешь не возвращать.

Спорить Николай не собирался – как и соглашаться с мнением приятеля. Во-первых, кто бы ни сделал этот макет, умственно отсталым автора точно не назовешь. Пропорции, детали –

все было подмечено идеально и с большим мастерством. Во-вторых, нейросеть, возможно, и могла бы сотворить нечто подобное, но модель на экране, пусть и трехмерная, человеческим мозгом воспринимается совершенно иначе. Если только на 3Д-принтере напечатать... да и то такой точности не будет!

Николай уже изучил фотографии с места преступления, с этого он как раз начал. Однако каждая из фотографий захватывала лишь часть пространства, на макете же перед ним было все. Уменьшенное, однако здесь уменьшение шло только на пользу работе, позволяло охватить картину целиком.

И на этой картине одна за другой проявлялись странности.

– Вера, подойди сюда, пожалуйста, – позвал Форсов. Жена приблизилась к нему, и он спросил: – Если бы ты была террористом, собирающимся взорвать бомбу в толпе, где бы ты это сделала? С поправкой на то, что тебе не нужно сбежать или даже выжить.

Другая женщина, может, и возмутилась бы, начала доказывать, что она бы никогда, да ни за что, да ей думать о таком противно!.. Но Вера прожила с ним большую часть жизни и относилась к его работе совершенно спокойно.

Она указала на центральную часть макета:

– Вот здесь. Мы ведь подразумеваем, что я – сумасшедший преступник, правильно? Тогда моя цель – захватить с собой как можно больше людей. Это можно сделать здесь.

– Верно. Но бомба в итоге взорвалась вот тут, – Николай указал на черное пятно в боковой части макета.

Вера мгновенно поняла, на что он намекает:

– Там, где до взрыва была фотозона!

– Именно так. Контактная фотозона, к которой можно подойти вплотную, не вызвав подозрений, и спрятать сравнительно небольшой рюкзак.

– Думаешь, он пытался убежать, спастись? Это больше соответствует его профилю, как я поняла...

– Он не пытался спастись, вот его тело, – Форсов постучал ручкой по обожженной фигурке, замершей у стены. – Даже если он двигался, он двигался не в сторону выхода. Эксперты предположили, что его отбросило взрывом, и так могло быть. Но есть вариант, что они попали в ловушку предвзятости: все казалось настолько очевидным, что они не рассматривали другие версии, да еще и игнорировали возможные несостыковки, чтобы не затягивать расследование. Да, это наверняка были мелкие несостыковки, но иногда бесконечно важны как раз они.

– Эксперты будут все отрицать, – вздохнула Вера.

– Конечно, будут, еще б они признались! Тут все всё будут отрицать, но это не наша работа.

Она наклонилась чуть ниже, надела очки, чтобы получше разглядеть макет. Вскоре после этого Вера взяла папку с фотографиями, нашла нужную и протянула мужу.

– Коленька, посмотри-ка вот на это. Видишь эту декорацию?

Она указывала на огромную, выше человеческого роста, букву «А», увитую цветами. Изначально эта и другие декорации оформляли площадки, но после встречи большая их часть превратилась в обожженные обломки. Букве, которая привлекла внимание Веры, особенно досталось, потому что рядом с ней и находился Прокопов во время взрыва... или так казалось.

– Я вот все думаю... Если декорация была у него за спиной, разве он не должен был закрыть ее своим телом от взрыва? – продолжила Вера. – Невольно, разумеется. Но, взгляни... Обломки по обе стороны от него, тут, похоже, один засел у него в груди... Понятия не имею, что это значит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.